
Ольга Яцких
Савелиса

Ольга Яцких

Савелиса

«Автор»
2026

Яцких О.

Савелиса / О. Яцких — «Автор», 2026

Древняя легенда оживает в современном мире, ставя двух сестёр перед лицом рокового противостояния. На их плечах — судьба рода и надежда разрушить проклятие, которое веками отравляло жизнь их семьи. Выбор, любовь, предательство и жертва — в этой истории каждый шаг может оказаться последним. Одна из сестёр готова отдать всё. Но будет ли этого достаточно, чтобы зло не возродилось вновь?Примечания автора:В 2002 году началась история создания произведения. Его замысел родился из легенд и реальных исторических фактов, связанных с Ульяновской областью. Прообразом генерала Стабровского послужили реальные исторические личности — помещики, владевшие землями в Тереньге и окрестностях. Образ усадьбы, её подвалов и подземных ходов восходит к архитектурным памятникам региона, некоторые из которых сохранились до наших дней в полуразрушенном состоянии. Легенда о Савелисе-утопленнице — это соединение нескольких народных поверий, бытовавших в деревнях вдоль берегов Волги и её притоков.

© Яцких О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 9
Глава 2 15
Глава 3 21
Глава 4 27
Глава 5 33
Глава 6 38
Глава 7 43
Глава 8 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Ольга Яцких
Савелиса

Автор: Ольга Яцких

Пролог

Закат почти угас, последний багровый луч солнца скрылся за горизонтом, и в этот миг, будто на границе между явью и сном, раздался пронзительный, душераздирающий стон.

Над древней деревушкой, затерянной в лесах Поволжья, сгущались морозные, туманные сумерки, а на озере с громким треском лопался серый лёд. Тёмно-зелёные ели, ставшие молчаливыми свидетелями чего-то ужасного, в безмолвном ожидании съёжились, укрывшись пушистыми лапами. Тонкие молодые берёзки у старого болотца, точно стайка испуганных детей, изумлённо встряхнули ветвями, призывая в свидетели резкий, обжигающе холодный ветер. Серебристый иней мгновенно окрасился в ярко-пурпурный тон, придав вечерним сумеркам грозный вид.

Всё живое попряталось в норки и дупла. Дневная жизнь затихла, а ночная ещё не вступила в свои права. Тени становились всё длиннее, и постепенно, секунда за секундой, надвигалась ночная, чёрная мгла. В наэлектризованной тишине редкие звуки наполнили пространство ощущением тайны и исконно русского волшебства.

Где-то вдали, если прислушаться, можно было уловить журчание воды. В овраге, словно сказочная змея, притаился серебристый ручеёк: он искрился, извивался, сверкал голубым, почти фосфоресцирующим светом и, будто живой, жадно впитывал воду из чёрных бурлящих ключей. Поглощая родники, ручей превращался в небольшую речку, которая на краю оврага резко обрывалась и, точно маленький Ниагарский водопад, с мелкими колючими брызгами низвергалась в небольшое незамерзающее озерцо.

Под горой спряталась старая, слегка покосившаяся избушка, до самой крыши укутанная снегом. Рядом с ней расположилась мельница — небольшое дощатое здание, возведённое у водопада. Водный поток нехотя касался деревянного колеса, приводя в движение гранитные мельничные жернова. Время от времени они издавали стон, который разносился по почти уснувшему лесу.

Чуть поодаль виднелась старинная деревянная церковка. Её потрескавшиеся и потемневшие стены хранили следы колоритных сюжетов из жизни святых. На одном из образов была изображена царица-красавица: румяная, полная — ну вылитая русская царевна. Плыла она по воздуху на лебедях-белых: одной рукой правила, в другой ключи держала.

В забытых богом уголках российской глубинки природа ещё дышит нетронутой древностью, не ведая о цивилизации нового века. В низенькой избе, где единственным светом служил робкий огонёк керосиновой лампы, у самой печи сидит старая, сгорбленная жизнью женщина. Она мерно покачивает люльку с двумя малютками и, едва шевеля тонкими, синими губами, картавя по-деревенски, шепчет им сказ про русалку Савелису. Её скрипучий, старческий голос звучал так убедительно, что сама ночь, казалось, затаила дыхание и вслушивалась в рассказ старухи. А из люльки на бабку смотрели две пары зелёных глаз — точно таких же, как у той самой русалки, о которой шла речь. Смотрели с жадным любопытством и затаённым страхом.

…Лет сто назад жил в этой деревне молодой парень — Ванька Курчавый. Красавец с золотыми кудрями, белый, как мука, румяный, словно зимнее солнышко, кровь с молоком — одним словом, молодец! А уж как играл на гармони – заслушаешься!

Бабка закатила глаза к чёрному от копоти потолку, причмокнула губами и, чуть погодя, продолжила:

— Когда начинал плясовую, невозможно было устоять на месте – ноги сами так и рвались в пляс!

…Недалеко от Курчавого жила молодая вдова Савелиса. В деревне её не то чтобы жаловали – шёпотом ведьмой звали, но в глаза не смели смотреть: страх перед её крутым нравом был сильнее любопытства. Норов у вдовы был, ох, крут.

Детство у Савелисы было весёлым. Отец любил дочь, да вот только выдал замуж за кривого Ивана-мельника. Через год, поговаривали, извела Савелиса мужа. Не успели и помянуть толком, как свекровка скоропостижно скончалась, а там и отец мельника почил вечным сном.

Старуха перекрестилась, помолчала, качнула люльку и продолжила:

— Савелиса осталась жить в доме мужа. Суровая была, но красивая: статная, с чёрными бровями и зелёными глазами, словно озеро в июле. Лицо, что фарфор, а румянец во всю щёку так и играл, но взгляд был пронзительный, точно нутро твоё видит. Жила тем, что муку молола сельчанам. Но знаться с простым людом не любила, молчалива была, а что не так, долго не разговаривала: взглянет, отвернётся и уйдёт, но после человек, который обидел, обязательно серьёзно занеможет. Люди это замечали, оттого старались с мельничихой не конфликтовать.

Подруг у Савелисы не было, в гости ходить она не любила и к себе не звала. Но редко, по праздникам, выходила за ворота, садилась на замшелую завалинку и издали, словно заворожённая, любовалась на хоровод молодиц. Ванька Курчавый, первый гармонист на селе, бывало, развернёт меха — так ноги сами в пляс и просятся. Но стоило ему заметить Савелису на завалинке, как взгляд тускнел, пальцы немели, и гармонь в его руках начинала не играть, а голосить, будто живую душу отпевала. Оттого парни свистели гармонисту, девки смеялись, а иные и вовсе лаптями в Ваньку норовили запустить. Шептались в селе, что по ночам Курчавый к вдовушке тайком захаживает и любовь с нею крутит. Прошло мало ли, много ли времени, но отцу с матерью стало известно о похождениях сына, и задумали они Ваньку женить.

Сыскали невесту знатную, родовитую – девицу видную, собой статную. Услышала про то мельничиха, и чёрная тоска заворочалась в сердце её. Начала она колдовать, ворожить, чары творить недобрые. Вынимала с шепотком и проклятьем следы невесты Ивана, да в землю с могил погостных смешивала и хоронила, на соль белую приговаривала, сквозь слезы причитая: «Боли у раба Божия Ивана сердце обо мне, так жарко гори от печали, как соль сия в огне пылает!»

Бабка перекрестилась, посмотрела на потемневшие от времени иконы в красном углу, и продолжила тихим голосом:

— Раскалит печь до огненного нутра, и туда, с размаху, горсть соли кинет, шипящую, жгучую. Аль снимет с плеч рубаху, в пиве терпком, вине дурманном обмакнет, выжмет до последней капли, да и опоит тем зельем Ивана, опосля ласк нежных, да поцелуев сладких. Только колдовство такое не брало молодца. Тогда Савелиса, в отчаянии, решилась на крайний шаг — чернокнижный заговор на крови. Это было наследие её бабки, известной чародейки и колдуньи, — самое страшное и могущественное заклинание из всех, что знала мельничиха.

К слову сказать, когда бабка Савелисы умирала, вся деревня покоя не знала, стонала под гнетом стихии: ливень хлестал нескончаемый, ветер завывал, а напоследок град обрушился, с куриное яйцо, а може и боле величиной!

Бабка сжала руку в сухонький кулачок, внимательно посмотрела на него, разжала, качнула люльку, продолжила:

— У многих в тот год ни зерна, ни колоса не осталось, а зима голодом выла… Пришлось четырёх крепких мужиков просить, чтобы крышу в бабкиной избе подняли. Так в старину помогали ведьмам уходить в Навь.

Лишь после этого обряда старая колдунья испустила дух, но в последний миг к старухе подбежала Савелиса. Юная, красоты небывалой. Взяла за руку ведьму, та на внучку взглянула пристально, чудным, пронзительным взором. В той избе под лавкой и мать моя сидела — они с ребятней пробрались поглядеть на умирающую колдунью, так она потом всем сказывала, что в тот же час в воздух взмыл мерцающий изумрудный шар и повеяло запахом прелой травы… Савелиса вздрогнула, а бабка испустила дух. Шар же вмиг растаял, будто его и не было вовсе.

С тех пор девочка замкнутой стала, все чаще пропадая в лесной глуши или у тихого плёса, где в одиночестве сплетала из дивных трав венки и отпускала их в речушку на волю

волнам. И горе тому, кто осмеливался поднять венок из воды – не проходило и недели, как его скручивала тяжкая хворь. Местные жители шептались, что Савелиса унаследовала от старой ведьмы страшный дар и владеет колдовской силой, посему сторонились её, как чумы, и детей своих близко не подпускали, ограждая от беды. Только отец и был другом для девочки.

Трудно сказать, понимала ли юная душа, какое бремя легло на её хрупкие плечи. Когда смерть оборвала жизнь матери Савелисы, а девочке едва исполнилось четырнадцать, отец, сломленный горем, отдал её в далёкую деревню, в семью богатого мельника. Однако сам после этого прожил недолго — умер через год.

Бабка снова перекрестилась, встала, взяла со стола кусок сахара, положила его за щёку, качнула люльку, продолжила:

— Так бабкиным приворотом Савелиса, Ивана Курчавого к себе приворожила, словно паутиной опутала вдова парня нитями похоти. Стал он видеть её в грёзах ночных, лишь ею одной бредил, тосковал денно и нощно. Да только родители парня, видя, как чахнет сын, решили во что бы то ни стало спасти Ивана от любовной напасти. Знали, откуда ветер дует! Отвезли Ивана в соседнюю деревню, к ведающей знахарке, чтоб сняла морок с души парня. Ивану полегчало, да только Савелису скрутило тоской, страшная хворь одолела мельничиху.

Ударит, сказывали, окаянная хвороба вдову, и лежит белая как полотно, волосы растрепаны, руки словно в агонии грудь терзают, рубаху в клочья рвут… Билась, билась, да в день свадьбы Ивана Курчавого в омут-то и кинулась. Как безумная выскочила на берег нагая, косы распущены, глаза горят – поплыла к самой середине, а там будто кто за ноги схватил, и ушла под воду. Искали Савелису и неводом, и баграми, снастями разными, ан не сыскать было…

Но с тех пор по селу шептаться стали: видели, мол, её на противоположном берегу озера. Будто плывёт лебедь неспешно, беззвучно, выходит на берег, взмахнёт крылами, ударит ими о землю – и оборачивается красивой женщиной. Разляжется на песке, прекрасная, нагая, а кто подойдет близко – утянет в омут.

Только и впрямь – стали в деревне молодцы пропадать. А Иван Курчавый и вовсе повадился вечерами на лодке к тому берегу плавать. Толковали люди, дескать, Савелиса из воды вынырнет, в лодку к Ваньке кинется и давай с ним миловаться. Ездил, ездил Иван ночами на омут, да так и сгинул бесследно: ни его самого, ни гармони, ни лодки больше никто не видывал. Осталась молодая жена Курчавого одна-одинёшенька, а спустя семь месяцев разрешилась дочкой, да и сама, горемычная, отошла в мир иной при родах.

Пресвятая Богородица!

Старуха осенила себя крестным знамением, бросила взгляд на мирно спящих девочек и, погасив чадящий огарок керосиновой лампы, опустилась на колени перед иконами святых, предалась усердной молитве…

Глава 1

Попутчики. Путешествие в мир легенд и загадок

Сергей закинул спортивную сумку на верхнюю полку купе СВ. В воздухе смешались запахи свежего постельного белья и той особенной, вездесущей железнодорожной пыли. Тяжело вздохнув, он скользнул взглядом по своему отражению в стекле — усталому, будто выцветшему, — и, пошарив в сумке, извлёк электронную книгу, нажал на кнопку «On». Поезд, монотонно отбивая ритм на стыках рельс, вздрогнул и, набирая скорость, понёсся вперёд.

Резкий скрипучий рывок, дверь купе распахнулась. В купе вошел высокий блондин, ослепляющий своей обезоруживающей улыбкой. В глазах незнакомца играли озорные искорки. «Разрешите пришвартоваться?» — прогремел его голос, с нарочитой театральностью объявляя о добыче: в вагоне-ресторане он разжился «настоящим армянским коньяком».

Знакомство завязалось мгновенно. Конечно, коньяк оказался всего лишь слабой пародией на оригинал, но выпили с удовольствием — путь предстоял ещё долгий, а когда в СВ едут двое мужчин, что ещё делать, как не беседовать да стаканами стучать?

— Так как вас зовут? — после третьей рюмки спросил попутчик.

— Сергей.

— А вы, я гляжу, не из болтливых…

Разговор, начавшийся с традиционных тем — про погоду да работу, — незаметно перешёл на философские размышления о сути жизни, об устройстве мира, а там и до обсуждения внутренней и внешней политики добрались. Спор об американцах и европейцах угас вместе с последними каплями «армянского». Заказав чай у приветливой проводницы, затихли. Растворились в мерном, убаюкивающем стуке колёс. За окном уже вовсю чернила ночь, когда сосед, прихлебнув горячий, но безалкогольный чай, вдруг задорно подмигнул и отправился «добавить» настроения в вагон-ресторан.

Утро встретило ярким солнцем, но радости не принесло: голова отчаянно гудела, стук колёс отдавался где-то в глубине черепа, а во рту, казалось, кто-то устроил кошачий туалет. Сосед не вернулся — ни ночью, ни под утро. Мельком глянув на часы, Сергей понял, что нужная станция скоро, и поспешил собирать вещи, не дожидаясь напоминания от проводницы.

Заспанная, но миловидная проводница лениво шлепала по вагону, выкрикивая сонным голосом: «Стоянка три минуты!» К удивлению Сергея, на перроне одноэтажного кое-как выложенного из силикатного кирпича вокзала «Сызрань 2» оказался не только он, но и его попутчик. Впрочем, обнаружился он чуть раньше в купе проводницы. Встрепанный, с лихорадочно горящими глазами, мужчина на ходу застегивал рубашку, торопливо запихивая помятые купюры в узкие джинсы, а остатки своего имущества – в видавшую виды спортивную сумку.

— Вы выходите? — спросил он, пытаясь казаться безразличным, но взгляд его был чуть виноватым.

— Да, — ответил Сергей, отворачиваясь и едва сдерживая улыбку.

Сергею стало ясно: парень, по-видимому, рассчитывал на попутчицу, но встреча вышла совсем не такой, как он ожидал. Эта мысль рассмешила.

Протискиваясь бочком к тамбуру, они вместе вышли на перрон, окунувшись в прохладу раннего утра.

— Вам куда? — спросил сосед, щурясь от яркого солнца.

— В Андреевку, это деревенька возле ПГТ Тереньга Ульяновской области. А сама Тереньга в двух часах от Сызрани.

— Вот так совпадение, и мне туда же, — удивился он. — Интересно? Хотите узнать, зачем я туда еду?

— А как вы догадались, что мне интересно? — невольно улыбнулся Сергей.

— По лицу видно, — хмыкнул он.

— А, ну конечно…

— Могу поспорить, вы и имени моего не помните…

— Это да, тут вы правы.

Попутчик протянул крепкую руку и, вновь улыбнувшись, что заставило солнце сиять ярче, сказал:

— Владимир Иванович Хеба, и не вы, а ты, мы вчера весь вечер «армянский» пили.

— Сергей Алексеевич Безроднов, журналист, но по правде это не коньяк, это отрава была.

Владимир весело рассмеялся:

— Ах вот почему ты такой любопытный и дотошный!

— Потому что коньяк паленый? Или?

— Журналисты они все такие: дотошные, любопытные и ворчливые…

— А, ну конечно, никто не любит журналистов, только запоем читают газеты! Не знаете почему?

— Газет давно никто не читает, сейчас все в телефоне… Но в чем-то ты прав…

Сергей опустил голову и, не глядя на попутчика, отшутился, что в профессии по-другому нельзя.

— А вы вчера говорили, что работаете в конторе?

— Да, в частном детективном агентстве в Москве, а раньше… ну, как говорится, бывших не бывает, — улыбнулся Владимир.

— А всё-таки зачем в Андреевку? — заинтересовался Сергей.

— Девушка обратилась, попросила найти сестру, — ответил он и тут же удивлённо приподнял брови: — А ты?

— А я собираю материал о ведьмах, — честно признался Сергей.

Владимир громко рассмеялся:

– Да это просто невероятно! Моя клиентка – тоже ведьма.

Мужчины вышли к привокзальной площади, где ветер гонял по асфальту мусор и обрывки газеты «Мозаика», а среди жухлых цветов уныло стоял киоск «Союзпечать», словно застрявший во временах СССР. Рядом припарковались три «Газели», водители громко переговаривались и курили. Владимир купил минеральную воду, потом, словно ребёнка, потащил Сергея к водителям, чтобы узнать, как добраться до Андреевки. Один из них указал на жёлтую маршрутку, которая отправлялась через десять минут.

В салоне дремала лишь древняя старушка, словно сокровище оберегавшая свою корзину. Разговор не клеился. Владимир, уткнувшись в местную газету, казался поглощенным какой-то важной новостью, а Сергей, погруженный в свои мысли, листал потрепанный блокнот.

— И всё-таки, зачем тебя понесло в эту глухомань? — вдруг обернулся к нему Владимир, нарушая тишину своим громким голосом.

— Хочу статью написать. Письмо пришло в редакцию: якобы в деревне завелась нечистая сила. Животные мрут, молодёжь беснуется, творятся странные вещи.

— Ты считаешь это неестественным в современном мире?

Сергей, с легкой иронией, отметил про себя, что попутчик со всеми запанибрата, но это не удивляло. От молодого человека словно исходила волна самоуверенности, балансирующая на грани дерзости. И нужно признать, дьявольски притягательная внешность щедро окупала эту наглость, безотказно действуя, видимо, как на деловых партнеров, так и на сердца впечатлительных дам.

— Вообще-то, нет, — протянул он, — но главред приказал докопаться до истины. Пришлось ехать.

— Похоже, весть гуляет по всей округе, — Владимир ткнул пальцем в газетенку и нараспев прочитал заголовок.

На первой полосе, крупными черными буквами значилось: «Савелиса возвращается». При этом водитель маршрутки заметно встрепенулся, а бабка перекрестилась.

— Простите, — обратился Сергей к водителю, — вы знаете, кто такая Савелиса?

Водитель хмыкнул, кивнул, прикурил «Приму» и, выпустив в открытое окно пахучее облако дыма, прохрипел:

— Савелиса, красавица-вдова… — чуть помолчал и продолжил: — Еще в прошлом веке, убитая безумной страстью к гармонисту Курчавому, кинулась в омут у барской усадьбы. Говорят, русалкой обернулась. С тех пор печать проклятия легла на деревню: скот дохнет, парни молодые, словно заколдованные, к озеру тащатся да в его темных водах и исчезают.

Бабка встрепенулась, открыла выцветшие глаза и писклявым голосом, точно испуганная птица, продолжила:

— А еще девчонку-сиротку так звали, в начале прошлого века. Выгнали ее тогда из села, как ведьму ярую.

Рассказ подхватил водитель:

— А после, много лет спустя, в барском доме у озера, том самом, что Стабровским принадлежал, объявилась женщина с ребёнком. Поселилась на старой мельнице. Тогда колхоз только-только организовали, люди жили уже хорошо, не голодали. И снова шепотки зловещие поползли — про ведьму, про колдовство… Хотя советская власть, кажись, уже лет сорок как была. Да, после войны это было, точно, точно. Судили её всем миром, словно преступницу, а девчонку военный какой-то увез. Правда, она сгинула куда-то. То ли сбежала, то ли померла.

— Да путаешь ты всё, чёрт трухлявый. После войны сиротка объявилась, вышла замуж за военного и утопила супружника свого. Судили её, а двойняшки — в перестройку родились, девочек в приют, тереньгульский сдали.

— Точно! — хлопнул себя по лбу водитель. — Правда, одна сгинула куда-то. То ли сбежала, то ли померла.

— Ничего не точно, — бабка затянула потуже узел на цветастом платке и многозначительно продолжила: — Не пропала девка и не сгинула. Слышала я, цыгане увели.

— А тут недавно, — водитель крякнул, затянулся сигареткой, — опять женщина объявилась, да и не женщина, девушка — молодая, лет двадцать пять, может чуть больше. Мужики рассказывали — красавица писаная. И тоже, на старом озере поселилась. Да в последнее время много приезжих в этих местах, люди из бывших Союзных республик едут, но она привлекает особое внимание: на дом документы предъявила — сказала, что хозяйка. Всё бы ничего, но странная девушка.

— Чем странная? — повернулся Сергей к водителю.

— Сказывают то ли Савелиса звать её, то ли Василиса, — он чуть прищурился. — Как и говорил поселилась у старой мельницы. Молодая… Только во всём чёрном ходит, словно вдовица. Богатая, говорят… Чудная она… Чудная…

— Готка, что ли? — усмехнулся Владимир.

— Нет, — откликнулась старуха, — точно Василисой звать. И не готка она вовсе, а так, не от мира сего… а может, и вправду ведьма, глазищи-то чёрные, точно чёрным углём подведены!

Старуха приставила к лицу руки и пальцами показала, какие большие глаза.

— Документы у неё в полном порядке, — продолжил водитель. — Я тут с участковым ехал, он говорит, что проверил. Но люди относятся насторожённо, во всех бедах обвиняют её. Может, и не ведьма она вовсе, кто знает… Народ злой нынче. Но уж если слух пошёл — не отмоешься.

Сергей отметил про себя, что ему любопытно было бы познакомиться с такой «ведьмой».

— Она держится особняком, особенно избегает мужчин, — добавил водитель, точно прочитал его мысли.

— Говорят, хочет восстановить старую мельницу, а если денег хватит, и дом генерала Стабровского. Да вот только, боюсь, люди ей покоя не дадут.

— Точно, точно не дадут, милок, — вмешалась вновь в разговор старушка, — у нас народ злой, завистливый к чужим деньгам.

— Это верно, бабка, — согласился водитель. — А ведь неплохо было бы восстановить особняк Стабровского. А то стоит в центре Тереньги — точно бельмо на глазу у красивой бабёнки.

Сергей же про себя подумал, что командировка вряд ли принесёт что-то особенное. «Просто времена трудные — вот и завидуют», — пронеслось в голове.

— Что, уже хочешь уезжать? — спросил Владимир.

— А ты, случаем, не ведьмак? — попытался пошутить Сергей.

Владимир заразительно рассмеялся, и Сергей, осознав, что сенсации, скорее всего, не выйдет, улыбнулся в ответ.

— Нет, напрасно ты так думаешь… Серьезно! Раз уж приехали — надо встретиться с ведьмочкой, — сказал Владимир. — Люди просто так болтать не станут.

— Смотрю, ты неравнодушен к прекрасному полу, — с иронией заметил Сергей.

— Это ты меня из-за проводницы дразнишь? — он скорчил рожицу, как ребёнок, у которого отобрали конфету, — она ведь тебе тоже приглянулась, да, скажи честно, да? — засмеялся Владимир.

Сергей пожал плечами и замолчал. Каждый погрузился в свои мысли. Водитель включил музыку, и в салоне стало заметно веселее.

Через некоторое время водитель объявил:

— Приехали, вот и ваша Андреевка! Следующая остановка Тереньга.

Дорога взобралась на холм, и среди стройных сосен и белых берез показались деревенские избы. Водитель пояснил, что несколько деревень слились в одну — теперь это всё Андреевка. Машина остановилась у кирпичной остановки с вывеской на синем фоне.

— Вам дальше вниз, по просёлочной дороге. Администрация там, — указал грязным пальцем в сторону водитель, — кто-нибудь встретится или довезёт.

— А церковь где? — поинтересовался Сергей.

— Церковь разрушили коммуняки, — вновь вмешалась в разговор бабка, с кряхтением выбираясь с пожитками из машины. — Кирпич понадобился для коровника в шестидесятых. Разобрали, и дело с концом! Если бы в доме Стабровского школу не разместили, так и усадьбу разрушили бы! Хотя, может, и нужно было этот чертов дом порушить! — прошамкала старушка.

— Это чего вдруг такое желание вандализма? — с ядом в голосе спросил Сергей.

— Пропадают в этом доме люди, часто пропадают…

Владимир подхватил тяжелую корзину бабки, взгляд его лукаво блеснул:

— На озере топятся, в доме люди пропадают! Не район у вас, бабушка, а настоящий бермудский треугольник!

— Пора бы уж и причаститься, — пробурчал Сергей, скорее шутя, чем всерьез.

Бабка прищурилась и погрозила друзьям сморщенным пальцем, но губы ее тронула теплая улыбка.

— Бабушка, а вы тоже в Андреевку? – поинтересовался Сергей, слегка запыхавшись.

— Туды, сынки, туды, – отозвалась старушка, – а не откажетесь помочь доброй душе донести нехитрый скарб?

— Конечно, поможем, — кивнул Сергей, — а вы нам администрацию покажете?

— Лады, сынки, лады. Живу напротив неё.

— А ночлег не предложите? — поинтересовался Владимир.

— Ой, быстрый ты, сынок.

— А чего ждать? Куй железо, пока горячо! — Сергей ткнул пальцем в небо, в сторону солнца.

— Документы покажете нашему участковому. Если разрешит — пущу.

— Всё покажем, бабуля, — улыбнулся Владимир. — Покажем, расскажем, подмажем, если надо будет.

Сергей понял, что с таким попутчиком не пропадёт, и весело зашагал по пыльной дороге.

Просёлочная дорога оказалась изрядно разбитой, щедро усеянной колдобинами и рытвинами, но оттого не менее живописной. С одной стороны, к ней вплотную подступал густой ельник, с другой — расстилалось поле, уже пустое, с пожухлой, поблёкшей травой и кое-где торчащими, почерневшими от времени копнами, явно забытыми здесь с прошлого года. Бабка шла неторопливо, опираясь на клюку, но охотно отвечала на вопросы.

Звали её Агафьей, и в деревне она прожила всю жизнь, да и корни её уходили глубоко в эти места. Агафья поведала, как после распада Союза и закрытия семилетки жизнь в деревеньке начала чахнуть. Молодежь покинула родные гнезда, старики, уставшие от бремени лет, отходили в мир иной. А начальная школа, словно последний маяк, еле теплилась, удерживая деревню от окончательного забвения.

— Школа, которая осталась начальной, как последний оплот, держит деревню на плаву. Правда, и там-то всего ничего ребятишек осталось, – проскрипела старуха, и голос ее дрогнул.

— Учителя-то есть? – спросил Владимир.

— Есть, учительница приезжает, молодая, образованная, старается. А что ей не стараться-то? Миллион ей отвалили, вот и пляшет. – Эти слова Агафья пробормотала уже больше для себя, чем для слушателей.

Показалась администрация – небольшой деревянный домик с покосившимся крыльцом. На крыльце, закатав форменные милицейские штаны до колен, сидел крепкий мужичок лет тридцати пяти и сосредоточенно ковырялся в зубах ножом. Агафья представила его как участкового, дядю Мишу.

Дядя Миша оказался немногословным, но добродушным. Проверив у Сергея и Владимира документы, чуть нахмурился, но, взглянув на умоляющее лицо Агафьи, махнул рукой:

— Живите, если бабка берет на поруки.

Владимир тут же принялся расхваливать Агафью, уверяя, что она — святая женщина, а Сергей поблагодарил участкового за оказанное доверие крепким рукопожатием. Участковый лишь усмехнулся и посоветовал не шалить, предупредив, что церемониться не станет. Почесав подбородок, заросший щетиной, тем же ножом, он потерял всякий интерес к Агафье и ее постояльцам.

Когда солнце коснулось верхушек высоких сосен, Андреевка притихла. Деревенька, пропахшая сеном, глиной и дымом дровяных бань, провожала вновь прибывших цепкими взглядами из-за кисейных занавесок.

Дом бабки Агафьи состоял из двух изб. Одна — крепкий деревянный пятистенок, крытый новомодной металлочерепицей. Рядом — старая, покосившаяся изба, вросшая в землю, словно гриб; её кровля была покрыта дырявым, местами ржавым железом.

Бабка Агафья, бодро ступая, протянула Сергею плоскую подушку и указала на железную кровать, покрытую побитым молью одеялом, приглашая обустраиваться на ночлег. Рядом стояла раскладушка.

– Коли что, зовите, сынки, не стесняйтесь.

Владимир, скинул рюкзак, сразу отправился топить баню, а Сергей на мгновение задержался у маленького окошка вросшей в землю столетней избы. Сквозь стекло, мутное от времени, он видел поле, на которое ложились длинные вечерние тени. Далеко, на опушке ельника,

словно мелькнул белесый силуэт — слишком высокий, слишком странный и никак не похожий на человеческий.

— Смотри-ка, – тихо позвал Сергей Владимира, – там кто-то есть…

Но когда Владимир подошёл, фигура исчезла, словно и не было никого. Только ветер шевелил высокую траву.

— Привыкайте, — раздался тихий голос Агафьи за спиной, — в нашей деревне всякое случается. Особенно — к ночи. Много у нас тут теней бродит. При генерале люди пропадали, при советской власти сотни сгинули, да и теперь…

— Странно все это, — прошептал Владимир.

— Чего странного? — неприкаянные души.

Сергей обернулся, но старушка уже исчезла за дверью основной избы, оставив их вдвоём в полутёмной старой избушке и с необъяснимым, затаённым ощущением, что в этой деревне все же найдется что-то интересное. Ночь в Андреевке только начиналась.

Глава 2

То ли быль, то ли небыль

Следующее утро в Андреевке выдалось хмурым. Сергей проснулся от того, что по жестяной крыше старой избы хлестал дождь, отбивая дробь, точно по барабану. Этот монотонный, звонкий стук действовал на нервы. Он сел, и кровать отозвалась томным, глухим скрипом.

Владимир ещё спал, уткнувшись лицом в подушку, и тихо посапывал рядом на раскладушке. Бабка Агафья уже хлопотала по хозяйству — на кухне мелодично позвякивала посуда, а по избе разносился тёплый, домашний запах свежих пирогов.

Недолго думая, Сергей накинул спортивную куртку и, бесшумно проскользнув через тёмные сени, соединявшие две избы, вышел в светлую общую комнату. Агафья сидела за столом у печи, перебирая какие-то пожелтевшие бумаги.

— Здравия желаю, баб Агафь, — поздоровался Сергей.

— И тебе не хворать, сынок, — ответила старуха, не поднимая головы. — Аль ты военный?

— Было дело, — Сергей смутился, — воевал. Да у нас в России-матушке много кто под ружьё вставал.

— Прав, соколик, ох, прав, — бабка отложила бумаги и в упор посмотрела на Сергея. — Смотрю вот на старые выписки из архива. Когда школьный музей закрывали, я кое-что прихватила, чтобы добро не пропадало. Я ведь, сынок, в школе работала, правда уборщицей, да только в школе. Давно уж это было…

Агафья снова принялась аккуратно перебирать пожелтевшие листы.

— А что за бумаги-то, бабушка? — в тон старухе спросил Сергей.

Агафья вновь подняла на него глаза — выцветшие, но по-прежнему цепкие, живые:

— Садись, журналист. Думаю, тебе это знать не помешает. Про то, с чего всё началось в здешних местах. Про проклятую усадьбу Стабровского.

— Проклятую? — брови Сергея поползли вверх. — Почему проклятую?

— Ишь ты… загорелся, всполошился… Сколько вопросов! Садись, милок, расскажу.

Сергей метнулся в избу за диктофоном и тут же вернулся. Владимир, разбуженный вознёй и дразнящими запахами, тоже выполз из спальни, протирая заспанное, помятое лицо.

— О чём разговор? — зевнул он, щурясь от света.

— У нашей хозяйки сохранились документы ещё со времён генерала — того, что в усадьбе жил, — отозвался Сергей.

— Ах, что за страсти-мордасти! — фыркнул Владимир, всё ещё не проснувшись как следует. — Очередная деревенская байка. Про мертвецов, небось?

— Про них, грешных, да и про любовь! — обиделась было Агафья, но снова заговорила, глядя на Сергея.

— В начале девятнадцатого века началась эта история, сынок, — произнесла Агафья, явно адресуя свой рассказ Сергею, который слушал с неподдельным интересом.

Владимир, впрочем, ничуть не оскорбился. Он молча полез в эмалированный тазик, выудил из-под белоснежного махрового полотенца румяный, с пылу с жару, пирожок, надкусил и от восторга закатил глаза.

— Так вот, без малого двести лет минуло. Семь сотен душ, не меньше, из самой Рязанской губернии согнали в Тереньгу — завод бумажный да суконную фабрику ставить. Ан нет, не вышло. Потому как земли те прибрал к рукам генерал Стабровский, Алексей Никифорыч. Шишка важная, тайный советник, при государе ходил с «Анной» на шее — нам, простым людям, и не понять такого. Да только нечистый он был на руку, ох нечистый! Шептались люди,

что на военных поставках душу загубил, карман набил, а народ для него — тьфу, как сор под ногами. Что сорная трава, что мужик — одна цена.

— Да, я что-то читал об этом генерале. Сказывали, жестокий был, почти как та самая Салтычиха, — перебил старуху Сергей.

— Да, да, в народе его так и звали — «Тереньгульский владыка», — продолжала Агафья, водя пальцем по пожелтевшим бумагам. — Богат был, аки черт, знатен. Соседи завидовали, крестьяне — боялись. Стабровский не просто владел землями — он властвовал над ними, над душами крепостными. Даже после воли, после шестьдесят первого года, не дал свободы своим. Любимая забава у генерала была — за работами в поле наблюдать. Для того он велел балкончик к спальне пристроить да из самой столицы подзорную трубу выписал. И горе тому, кто попадался генералу под руку в недобрый час: ленивый мужик, што без дела слоняется, аль бабы свару учиняли — расправа короткая была да беспощадная.

— Эх, ты, дядька, какой крутой! — заинтересовался рассказом Владимир, дожёвывая пирожок и вольготно размещаясь на единственном кресле в комнате, предварительно отвернув его от телевизора.

— Многие крестьяне знали, — не обращая внимания на Владимира, продолжила Агафья, — что в подвале барского дома Стабровский оборудовал настоящие пыточные камеры. Там они с мельником и кузнецом орудовали такими чудовищными приспособлениями, что не всякий живым на свет божий выходил. Слухи по всей округе расходились. Своих крепостных Стабровский пугал лично: «У меня так: плутуй, воруй, да концы хорони, а попался — пеняй на себя!»

— Вот Ирод! — Владимир надкусил следующий пирожок.

— Людей, замученных до смерти, списывали на несчастные случаи — кто угорел в бане, кто в озере утонул. Но больше всего генерал любил над девками измываться.

— Над девками? А с этого места поподробнее, — оживился Владимир, протянув руку к тазику за очередным пирожком, но Агафья медленно встала и убрала тазик в буфет.

— Да, девок генерал любил, но была в жизни барина одна женщина, — голос Агафьи дрогнул, — крепостная девка Пелагея. Невиданной красоты, лицом пригожа, статна, а главное — не глупа. Читать, писать умела. Сделал он её своей наложницей. Но когда она забеременела — не приблизил, так и оставил дворовой девкой, услаждал своё тело, когда вздумается.

Сергей и Владимир слушали, затаив дыхание.

— Однажды ночью, — продолжала Агафья, разразилась страшная гроза. Генерал проснулся от боли в колене и вышел на балкон. Молнии резали небо, ветер гнул деревья. И вдруг — стук в дверь.

Секретарь генерала Савелий принёс весть: «Пелагея рожает. Деревенские же, вторя друг другу, шепчутся и сплетни по всей округе разносят, что родить полюбовница ваша должна не дитя, а черта!»

Александр Никифорович, хоть и не верил в колдовство, но во избежание пересудов велел тотчас перевезти роженицу в подвал.

Девочка родилась на рассвете. Не закричала — только всхлипнула и уставилась в потолок белёсыми, как дым от костра, глазами. Повитуха перекрестилась: «Не к добру такие глаза у ребенка, ох, не к добру…»

— Назвали девочку Савелисой, — прошептала Агафья, а Сергей почувствовал, как по спине побежали мурашки. — В честь той самой утопленницы-русалки, что сто лет назад мужиков в озере топила.

Пелагею же генерал оставил при себе в доме — как грелку в кровати да безропотную наложницу. Грошовая жизнь красавицы Пелагеи пошла вразнос: в мучениях и роскоши, в тайных вздохах и слезах. К тридцати пяти годам бывшая красавица превратилась в старуху.

А Савелиса росла — вся в мать. Красавица, глаз не оторвать, так была хороша. Когда девушка заневестилась, старый, уже больной подагрой генерал потребовал и её в свои покои. Пелагея всё поняла. Пришла к нему, упала на колени, молила о пощаде. Но генерал не соизволил даже взглянуть на бывшую полюбовницу, избил до полусмерти и выбросил с балкона второго этажа.

— Эх, какой дядька жестокий, бабушка! Прямо с балкона сбросил? — усмехнулся Владимир, но в глазах его мелькнул интерес.

— Да, — серьёзно, без тени улыбки, ответила Агафья, — только прокляла его Пелагея в ту ночь, перед самой смертью. — Голос старухи вдруг стал глубже, точно в нём проснулась былая сила. — Страшно прокляла. Все в доме генерала слышали те слова, — тут Агафья подняла палец к потолку, — все слова её запомнили навек и сказывали друг другу:

«Не будет в доме твоём, генерал, ни покоя, ни радости, ни роду. Сын твой умрёт в муках лютых, а на гробу его грязные мужицкие пятки плясать будут. Пресечётся род твой, оборвётся, а золото, кровью политое, в сыру землю уйдёт. Души замученные, что в подвалах твоих стонут, навек останутся там, сторожить дух твой проклятый! До скончания веков…»

— Да, круто, — почти серьёзно мотнул головой Владимир.

— Да, и еще, после смерти Пелагеи генерал, брезгливо окинув взглядом истерзанное тело женщины, которое он когда-то очень любил и велел привести к нему дочь. Савелиса, ещё почти девочка, вошла, но не отвела глаз под тяжёлым взором Стабровского. И генерал впервые в жизни почувствовал страх. Что-то холодное, липкое, словно тина болотная, поднялось мутью в душе — чёрной, вязкой, точно болотной воды напился. Он никогда прежде не знал такого чувства. Но отступать было не в его натуре.

— Так надругался он над девчонкой-то? — Владимир даже привстал с кресла.

— Кто ж знает, милок, что там, за дверями опочивальни, творилось, — Агафья вздохнула, — да только утром на лице генерала ни тени радости не было. Хмурый ходил, злой.

А в первую годовщину смерти Пелагеи объявился в усадьбе странник — юродивый, хромой, с бельмом на глазу, в рванье, прости господи. Подошёл к воротам, стукнул деревянной колотушкой и громко так потребовал:

— Савелису сюды! Видеть желаю фею!

Привели девчушку, а он глядит на неё так пристально, будто душу её видит, и молвит:

— Зови, деточка, меня Кудесник. Фея ты, как есть фея. Жизнь у тебя трудная, но много добра людям сделаешь, только не оценят они, не оценят…

Тут жена генерала подошла, а кудесник как зашипит на неё, как плюнет ей в самые очи! — Проклят дом сей! — возопил кудесник, а бельмо на глазу засветилось багровым, точно уголь в печи. Сам же колотушкой стучит, прыгает, словно бес в него вселился. — Пресечётся род генерала, как свеча на ветру! Увидят стены эти чужих людей, детским смехом наполнятся, да только не смоют они проклятья. Сгинете все, и память о вас сотрётся! Золото, кровью омытое, в землю прорастёт — не будет пользы, в пыль превратится. Проклято злато!

Той же ночью Савелиса впервые увидела во сне свою мать — молодую, печальную, с цветком папоротника в руке.

— Наутро, слышь, обрушилась стена в подвале. Та самая, под которой в сене Пелагея Савелису рожала. И по всему дому трещины пошли, аки паутина.

Очень быстро старый генерал Стабровский сдал — совсем плох стал, с именьем уже управиться не мог. Перешло поместье к сыну его, Константину. Да только и тот недолго продержался. В семидесятых годах, ещё при царе-батюшке, крестьяне — замученные, изведённые — не стерпели, настрочили в город бумагу. Кто-то из своих, видать, грамотный отыскался. Всё выложили, все зверства генеральские, что в подвалах творились, все описали. Следствие-то было строгое, без поблажек. Константин допросов не вынес, слёг в горячке и преставился в Симбирске. Молодой был, всего тридцать с хвостиком.

А мужики, когда гроб с барином домой везли, с радости-то в первом же кабаке напились. И до самого села, слышь, песни непотребные горланили да на телеге, где гроб стоял, плясали. Вот так-то, сынки. На власть и злато надейся, а правда своё возьмёт.

Сам генерал Стабровский умер четыре года спустя. На его счетах не осталось ни копейки. Народ поговаривал: спрятал богатства в подвале своего дома хитрый генерал.Многие лазали в дом, после смерти хозяина, но найти богатства так и не смогли — как не смогли найти и вход в подземелье. Либо он был изначально потайным, либо старый генерал велел замуровать его перед смертью.

Усадьба перешла во владение дочери Алексея Никифоровича, а после её смерти к племяннице. Савелису, внебрачную дочку генерала, отослали в Симбирск — помогать новой хозяйке.

— И что с ней стало? — спросил Владимир, когда Агафья замолчала.

— А то и стало, — вздохнула старуха. — Она той самой ведьмой и обернулась, про которую вам водитель в маршрутке рассказывал. Савелису после смерти генерала отдали замуж за старого мельника, когда племянница генерала решила пожить в поместье. Мельник — тот самый черт, что вместе с генералом над местным людом измывался. Савелиса его очень скоро и извела. Стала полноправной хозяйкой мельницы. Сказывают, в том озере много покойников — мельник притапливал там замученных в барской усадьбе. Так что озеро наше кровью и проклятием напоено. Слышала я сама, как по ночам выходят души убиенные генералом на берег и о судьбе своей горькой сказывают.

— Но это же легенда… — неуверенно протянул Сергей.

Агафья посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Легенды, сынок на пустом месте не рождаются. А то, что Пелагея прокляла генерала моя бабка сама слышала. Работала она тогда кухаркой в барском доме. Всё, как перед смертью сказала мученица, да кудесник сказывал — то всё и сбылось. Род Стабровских пресёкся. Дом стоит ничейный, никто в нём надолго не задерживается. Даже бездомные, кто пытаются переночевать — пропадают. И золото никто не нашёл. Хотя искали многие… Один кладоискатель до сих пор в психушке лежит — нашли его в подвале, без глаз и без языка. Сидел, тихонько так, в углу подвала у лестницы и улыбался.

Владимир нервно усмехнулся. Сергей невольно поёжился.

— А при чём тут сегодняшние ведьмы? — спросил Владимир, пытаясь вернуть разговор в практическое русло. — Василиса эта, про которую говорил водитель?

Агафья не спеша дотронулась до самовара, налила себе кипятку, опустила в кружку пакетик с чаем и маленькими глотками отпила. Помолчала. Потом подняла глаза на Владимира.

— А при том, — ответила она наконец — что проклятие не умирает вместе с людьми. Оно живёт в крови. В земле. В воде озёрной.

— Как это понимать? — нахмурился Сергей.

— Вот ты, сынок, спросил про Василису… А знаешь, какая у неё фамилия?

— Нет, — развел руками Сергей. — Откуда нам знать-то? Мы только приехали…

— Курчавая она, — тихо сказала Агафья. — Василиса Ивановна Курчавая. Прямая потомка того самого Ваньки Курчавого, из-за которого первая Савелиса утопилась. Не верите — в сельсовете сходите, в документах гляньте. Я своими глазами видала, мне участковый дядя Миша показывал.

В комнате повисла тишина. Даже дождь за окном, казалось, стих.

— То есть, — медленно проговорил Сергей, чувствуя, как от бабкиного рассказа по спине побежал холодок, — если легенда о проклятии правдива, выходит, Василиса — носитель этого проклятия?

— Кто ж её знает, — покачала головой Агафья. — Правнучка она Курчавого, али однофамилица. Революция, война — всё перепутали, род-то запутался. А вот что в ней кровь того

самого Ваньки — это уж точно. Чую я… А коли проклятие и вправду на крови держится, значит, быть беде.

— Но сейчас двадцать первый век, — попробовал возразить Владимир. — Верить в проклятия, в русалок и колдуний… Это всё предрассудки.

— Да, соглашусь, всё это предрассудки.

— А ты, журналист, — старуха вдруг сжала его руку сухой, жёсткой ладонью, — ты в то, что в доме генерала люди пропадают, тоже не веришь? Спроси у местных. Спроси у участкового. Спроси у тех, кто детей в подвалах слышит.

— Детей? — переспросил Владимир, и голос его дрогнул.

— А то! Хочешь верь, хочешь проверь, — Агафья понизила голос до шёпота, почти до тяжкого придыхания. — По ночам из усадьбы, из той самой, что в Тереньге, плач доносится. Будто дитя малое плачет, надрывно так, жалостливо. А в подземельях — стоны, глухие, протяжные. Мужики наши не раз слухали, бывало, и в милицию-полицию звонили. Да толку-то? Спустятся: тишина, никого. Стоны притихнут, затаятся, а в лунную ночь — опять… Опять, сынки, слышно…

Сергей на мгновение задумался, глядя в исписанный блокнот. Убористый, мелкий почерк покрывал уже несколько страниц, но всё, что он успел записать, казалось журналисту чем-то почти сказочным, фантазийным, выдумкой! А ему были нужны не байки, а то, что можно проверить. Нужны были сухие, точные, настоящие факты.

— Бабушка Агафья, только, пожалуйста, не подумайте, что я вам не верю, — осторожно начал Сергей. — Просто мне надо всё проверить и перепроверить. Но если это действительно так… если проклятие и правда существует… тогда, возможно, очень скоро в вашу глухомань хлынут потоки туристов и… вполне возможно, дом генерала Стабровского восстановят. Нынче такое в моде.

— Ничего не восстановят, — резко повысила голос Агафья. — Всё по карманам рассуют. Нынче власть не лучше прежней. Вот только при Брежневе жили более или менее нормально. Да и с проклятием, милок, не спорят. Его либо принимают, либо оно принимает тебя. Иного не дано.

Она поднялась из-за стола, взяла клюку и направилась к печи. Владимир взял несколько листов, лежащих на столе, повертел их в руках.

Агафья достала из буфета пироги, сметану, зелень.

— Давайте завтракать, милки, заболтала я вас, да и самовар остыл.

— Ваши пироги, бабушка Агафья, я готов есть хоть целый день, — улыбнулся Владимир.

Старушка внимательно посмотрела на гостя потеплевшим взглядом.

— Вы пока думайте да помогите бумаги убрать со стола, а я быстро соберу на стол.

Когда дверь за Агафьей закрылась, Сергей и Владимир переглянулись.

— Ну и как ты к этому относишься? — спросил Сергей.

— Я детектив, — устало сказал Владимир. — Я привык доверять фактам. Но здесь… здесь всё слишком странно.

— В каком смысле?

— Люди исчезают — и никто будто бы этого не замечает. Эти бумаги, — Владимир показал пальцем на стол, — нужно проверять и перепроверять, но толика истины в рассказе старушки явно есть. И потом, рядом с мельницей действительно поселилась загадочная незнакомка в чёрном, а сто лет назад в этих местах утонула её тёзка. — Он замолчал, собираясь с мыслями. — Твоя статья о нечистой силе, моя клиентка-гадалка Василиса… Слишком много совпадений. А так не бывает — так подсказывает мой опыт. На случайность уже не тянет.

— Значит, ты думаешь, всё это как-то связано?

— Вот это нам и предстоит понять, — Владимир встал, подошёл к окну. — Смотри, дождь почти закончился. Может, сходим к мельнице? Пока распогодилось в этой деревне «Гадюкино»…

Сергей кивнул, но тут же поморщился:

— Что-то есть расхотелось, но бабушку обижать нельзя. Надо позавтракать.

Вернулась Агафья — принесла свежий редис и домашнюю колбасу. Друзья быстро позавтракали, а Сергей, взяв блокнот и диктофон, ещё раз пробежал глазами по записям: Стабровский, Пелагея, первая Савелиса, вторая — в этих именах уже начинал путаться даже он, хотя привык держать в голове сотни фактов. Проклятый дом, проклятое озеро, золото, усадьба, Курчавый, ведьма… Всё сплелось в один тугой гордиев узел, который предстояло разрубить.

Глава 3

Усадьба

Погода в Поволжье в первой декаде августа почти всегда балует. Июльский зной уже позади, и его место занимают свежие «мятные» деньки, которые Владимир за утренним кофе называл «настоящим летом». Самая лучшая пора года: воздух пропитан запахом прелой травы после тёплого дождя, а по утрам в ней уже прячутся маслята — только успевай срезать да в лукошко класть. Когда вода в прудах и реках ещё хранит дневное тепло и манит окунуться, нырнуть в прохладу, переливающуюся на солнце бликами прозрачной, точно хрусталь, воды. Да, лето на исходе, и оттого каждый погожий день бережёшь, словно кладёшь в закрома — на долгую, слякотную, полугодовую зиму.

Владимир вернулся в избёнку, навёл порядок, разложил вещи в древний шифоньер со скрипучими дверцами и заявил, что готов к путешествию.

Пока Хеба возился с раскладушкой, Сергей смотрел в маленькое оконце с треснувшим от времени стеклом. Смотрел на поле и думал о своём. О том, что в таком же доме жила его бабушка. О том, что большинство людей в России родом из деревни. О том, что помещики — злые и жестокие, либо уехали в Европы, либо, как этот генерал, не оставили после себя ничего…

Но что в итоге? Советский Союз рухнул, семьдесят лет большевистской власти превратились в ничто, и страна уже несколько десятилетий живёт по инерции в капитализме. Преданы подвиги дедов и прадедов, забыты лозунги… Капитализм в России приобрёл странное, порой уродливое лицо.

— Ну что, идём? — гаркнул прямо в ухо Владимир. — Уже посветлело.

Сергей вздрогнул и обернулся к товарищу.

Снаружи и правда посветлело. Сквозь низкие тучи то и дело прорывалось солнце, и его блики дрожали в лужах на разбитой просёлочной дороге. Влажный воздух был напитан запахом листвы, сырой земли и ещё чем-то неуловимым, деревенским, умиротворяющим до боли в сердце.

Агафья осталась на крыльце, кутаясь в новомодную китайскую шаль, задумчиво смотрела им вслед — точно жалела, что друзья ушли, оставив её одну в этой тишине.

— У дома генерала будьте осторожнее, — бросила она вдогонку. — А то, глядишь, и душу там оставите. Или наткнётесь на то, что лучше бы никогда не находить.

— О чём вы? — Владимир обернулся.

— А о том я толкую, — старуха размашисто перекрестила друзей, — токмо есть вещи, кои вовек не должны наружу вылезать. Иное знание, иной секрет в земле гнить должен. Рядом с золотишком Стабровского. Рядом с проклятьем Савелисы. Дак вы, родимые, уж поберегитесь тамо…

Она хотела добавить ещё что-то, но лишь махнула рукой, резко развернулась и скрылась в полумраке сеней.

Идти до рабочего посёлка, куда собрались друзья, по словам Агафьи, было чуть меньше часа. Дорога оказалась знакомой: вчера они шли по ней от остановки, только возле лесочка нужно было свернуть на неприметную тропинку.

Дышалось легко, воздух пах луговыми травами и навозом. Чуть левее молодой пастушок пас небольшое стадо коров. Животные хлопали длинными, как у модных молодых девушек, ресницами и меланхолично жевали траву. Поёжившись от свежего ветерка, друзья двинулись вперёд.

Солнце выглянуло из-за серой тучки, и на склоне оврага заблестели крыши и окна деревенских домов. До Тереньги оставался с километр. Людей на окраине посёлка видно не было. Стояла неимоверная тишина — молчали даже петухи и собаки.

Владимир, подмигнув Сергею, первым ступил на тропинку, которая постепенно сворачивала в сторону. Через четверть часа они вышли к Тереньге — посёлок приближался и разворачивался перед ними справа от дороги. Над его домами шумела, омытая утренним дождём, листва.

Друзья зашагали вниз по тропинке — к ельнику, за которым угадывалась гладь озера.

— Ты ей веришь? — спросил Сергей, когда деревня совсем скрылась за поворотом.

— Не до конца, — пожал плечами Владимир. — В проклятия я точно не верю. Но в то, что люди пропадают, а местные предпочитают закрывать на это глаза, — вполне. И в то, что старая усадьба что-то прячет, — тоже. А вот связывать всё это с проклятием какой-то неграмотной крестьянки из позапрошлого века… Не знаю. Сначала осмотрим дом, попробуем спуститься в подвал. А уж потом будем делать выводы.

— Звучит как план, — кивнул Сергей.

Они поднялись на пригорок. Внизу, у кромки леса, открылось озеро — тёмное, неподвижное, с мутной ряской у берега и редкими кувшинками, похожими на жёлтые жирные пятна масла среди свинцовой глади. Справа, почти у самого берега, темнела старая мельница: почерневшее от времени дощатое строение с проломленной стеной, сквозь которую проглядывали тяжёлые каменные жернова.

— Нет, сегодня туда не пойдём, — Сергей поймал взгляд друга. — Даже не думай.

— Ладно, уговорил. Хотя мне было бы любопытно познакомиться с этой ведьмочкой поближе. Но ты прав — начнём с усадьбы.

Они свернули вдоль поля в сторону Тереньги. И уже через десять минут за высокими кронами тополей показался дом Стабровского. Усадьба генерала в Тереньге теперь выглядела совсем не так величественно, как прежде. Выбитые окна, слетающие с петель двери, ветер, завывающий в отдалённых уголках дома…

— Красивое место, — заметил Владимир. — Но жутковатое.

— Согласен. Прямо как в квесте ужасов, — отозвался Сергей.

Друзья быстро пересекли аллею и, обойдя дом, заметили приоткрытую дверь.

Владимир оглянулся по сторонам, подошёл к двери и толкнул её ногой. Та жалобно заскрипела и медленно открылась, словно нехотя впуская их внутрь.

— Да, брат, ты прав. Локация достойная Хичкока.

— Ну-у, посмотрим, — многозначительно протянул Сергей, переступая порог. — Первое, о чём думаешь, заходя сюда, — фильмы ужасов про проклятые дома, которые убивают своих гостей.

— Согласен, — ответил Владимир. — Знаешь, что странно? Вроде и природа обычная, и озеро как озеро, а внутри… внутри — пустота. Точно души в этом месте нет. И ощущение, что кто-то смотрит на тебя со стороны. Наблюдает…

— Учитывая, что рассказала Агафья, место тут непростое. Я покопался в интернете — всё, что старушка говорила, подтверждается. Люди пропадали, искали, но так и не нашли.

— Ты слишком много, Сергей, слушал бабушкиных сказок-рассказок, — хмыкнул Владимир, но в голосе его уже не было прежней уверенности. — Пойдём познакомимся с генералом.

Он решительно шагнул в полумрак и, ускорив шаг, взбежал по лестнице на второй этаж, перепрыгивая через ступеньки. Сергей, настороженно оглядываясь и внимательно глядя себе под ноги, медленно пошёл за товарищем. Друзья оказались в длинном коридоре второго этажа.

Первое, на чём остановился взгляд, — это стены.

— Ты глянь, похоже, ещё в советские годы это здание переделали под школу.

— Да, Агафья что-то вскользь об этом говорила.

Сергей подошёл ближе к несущей стене. Зелёная масляная краска давно выцвела почти до бледного оттенка, местами облупилась, и сквозь неё проступала старая штукатурка. Но больше всего цепляли рисунки, которые всё ещё держались на стенах. Чья-то старательная рука нарисовала ярко-жёлтые ромашки с белыми лепестками, а рядом — зайца из «Ну, погоди!»: косого, с гитарой и в знакомой майке. Он улыбался, но в полутёмном коридоре эта улыбка выглядела почти издевательской. Хотя нет, ужасающей. Вспомнились слова Владимира о квесте. И Сергею подумалось: «Похоже, эта командировка реально превратится в квест».

На потрёпанных, обветшалых дверях, часть которых уже висела на одной петле или была вовсе сорвана, ещё читались таблички: «2 „А“ класс», «Кабинет физики», «Учительская». На одной двери старую надпись зачеркнули и сверху вывели новое слово — «Склад». Коридор тянулся дальше и уходил в темноту: грязные окна пропускали совсем немного света, а на полу лежали редкие жёлтые пятна уцелевшего линолеума.

— Да, точно такой заяц был нарисован у меня в школе. Вот оно, родное образование, всё под копирку, — тихо сказал Сергей, проводя пальцем по изображению. — Удивительно. Всё, что мы теперь вспоминаем из детства, здесь прямо на стенах.

— Да и у меня зайцы были, помню, помню. Но место от этого не становится веселее. Какой-то сюр, и очень мрачный, — ответил Владимир, заглядывая в одну из комнат.

— После революции лучшие здания отдавали под школы. Для нового государства было очень важно дать образование молодому советскому поколению.

— Не помню, кто сказал, но цитата врезалась в память: «Советский Союз выиграл войну за партой».

— Это Кеннеди сказал, 35-й президент США. Только говорил он о космической гонке.

— Тоже своего рода война с пиндосами.

— Советские дети сидели за партами, а совсем ещё недавно в этом здании в подвале были камеры для пыток бывшего помещика. Ничего себе картинка. И никто привидений не боялся.

— Религия — опиум для народа, они тогда не думали об этом, думали о знаниях, — усмехнулся Сергей.

— Для того времени, наверное, это было в порядке вещей.

Они двинулись дальше по коридору и стали заглядывать в классы. Где-то валялись поломанные парты, на полу лежали старые тетради, газеты и томики сочинений В. И. Ленина, давно развалившиеся от сырости и времени. В углу одного кабинета Сергей заметил порванный портрет Ульянова — с облезлой стены тот по-прежнему смотрел своим строгим, умным взглядом исподлобья.

— У нас такой же портрет висел в красном уголке. —Родина Ленина, что сказать.

— Сидит в углу вождь пролетариата, охраняет руины, — усмехнулся Владимир. — Настоящий музейный экспонат.

— Да, а вот гляди, плакат: «Грамотность — меч, побеждающий тёмные силы». Вот детей этот меч и защищал.

— Возможно…

— Идём вниз, — позвал Сергей из коридора. — Кажется, на первом этаже есть лестница в подвал. Когда поднимались, я заметил кованую дверь. Может, о ней Агафья рассказывала?

Друзья медленно направились вниз и спустились в цокольный этаж. Владимир уверенно двинулся вглубь, где за очередным поворотом действительно обнаружилась тяжёлая кованая дверь. Рядом с ней на стене кто-то коряво написал мелом: «ЗЛАЯ ШКОЛА» и нарисовал страшную рожицу с огромными зубами.

— Детишки постарались, — заметил Владимир, дёргая дверь. — Заперто.

Сергей попытался помочь товарищу, но дверь не поддавалась. Тогда Владимир метнулся к лестнице, ногой выбил кованый прут из ограждения перил и, подойдя, использовал его как рычаг, чтобы поддеть дверь. Сергей с силой дёрнул за ручку — дверь противно скрипнула и поддалась. За ней открывался тёмный проём, откуда пахнуло сыростью, плесенью и чем-то ещё — металлическим, холодным.

— Лестница вниз, — заглядывая в темноту из-за плеча Владимира, прошептал Сергей. — Где-то там, похоже, тот самый подвал.

— Ты чего шепчешь? Боишься, духи услышат? Это и есть уже подвал. Идём.

Владимир шагнул вперёд, нащупывая ногой первую ступеньку. Лестница была крутой, почти отвесной, ступени — скользкие и неровные. Пахло сыростью, плесенью и ещё чем-то неуловимым — тлением, что ли. Внизу было темно, только слабый свет из коридора выхватывал края ступеней. Хеба опустил руку на стену, чтобы опереться, но пальцы скользнули по влажной, осыпающейся штукатурке.

— Осторожнее, здесь скользко, — предупредил он.

Сергей хотел что-то ответить, но в тот же миг Владимир поскользнулся. Его нога сорвалась с мокрой ступени, он взмахнул руками, пытаясь за что-то ухватиться, но пальцы нащупали лишь пустоту.

С глухим вскриком он покатился вниз по лестнице, гулко ударяясь о ступени. Сергей услышал, как тело друга глухо, словно большая мягкая игрушка, падало в непроглядную темноту, и его охватила паника.

— Володя! — закричал он, ринувшись вниз, уже не думая об осторожности. — Владимир!

Внизу было темно, но Сергей, нащупав ногами твёрдый земляной пол, кинулся туда, где слышалось тяжёлое дыхание.

— Жив? — выдохнул он, опускаясь на колени.

— Жив, — хрипло ответил Владимир. — Чёрт… Хотел тебя предупредить, а сам так облажался. Уф… Кажется, жив.

Сергей помог другу приподняться. Владимир облокотился на сырую стену, оперся одной рукой о земляной пол, а второй принялся ощупывать голову и плечи. В темноте было видно, как он морщится.

— Ничего не сломал, — процедил он сквозь зубы. — Пару синяков, кажется… И расцарапал руку. Но вроде цел.

— Сиди, не двигайся, — сказал Сергей, вытаскивая телефон и включая фонарик.

Свет резанул по лицу Владимира. Он зажмурился, поморщился, но Сергей успел разглядеть: на лбу алела ссадина, из которой сочилась кровь, губа была разбита, а рукав рубашки разорван, под ним уже наливался багровый кровоподтёк. Но Владимир, как ни в чём не бывало, уже улыбался — своей неизменной, обезоруживающей улыбкой.

— Говорят, что падение с лестницы — отличный способ понять, есть ли у наблюдавшего за твоим падением чувство юмора, — пошутил он. — Раз ты не смеёшься, значит, чувство юмора у тебя, брат, напрочь отсутствует!

— Дурной ты, Вовка.

— Да, есть такое дело, все мои женщины так говорят. Дурной, но живой! Больно, чёрт, но даже ничего себе не сломал.

Сергей перевёл фонарик чуть в сторону и замер. Луч света выхватил предмет — всего в трёх сантиметрах от шеи Владимира, там, где он только что лежал, на земле валялся массивный кованый крюк. Старый, покрытый ржавчиной кусок железа с заострённым концом. Выглядел он довольно внушительно и, вероятно, когда-то использовался для хозяйственных нужд, будучи закреплённым на стене.

— Володь, — Сергей сглотнул, а голос его дрогнул. — Глянь, что у тебя под рукой.

Владимир опустил глаза и тоже замер. Крюк лежал ровно там, где мгновение назад была его шея. Ещё шаг — и всё могло бы закончиться совсем иначе. Загнутое острие было таким острым, будто его только что правили на точильном камне.

— Чёрт, — выдохнул Владимир. — Это было бы… очень скверно. — Он невольно отпрянул от крюка, словно тот мог ожить. — Спасибо, что оказался не ближе, — добавил он, обращаясь к неодушевлённому куску железа.

— Погоди, — Сергей осторожно взял крюк, поднял его и отнёс в дальний угол коридорчика, чтобы тот больше никому не мог причинить вреда. — Всё, теперь можно выдохнуть.

Владимир с трудом поднялся, опираясь на плечо друга, скривился, тихо охнул, но всё-таки встал.

— Ладно, — сказал он уже твёрже. — Идём дальше. Раз уж я сюда добрался, надо понять, что здесь вообще есть интересненького.

Они двинулись по подвальному коридору. Сергей подсвечивал путь фонариком: каменные стены местами осыпались, были покрыты толстым слоем старой побелки и копоти. Владимир тоже достал телефон, но обнаружил, что заряд почти на нуле.

— Да, уж, явно сегодня не мой день!

— Да нет, — отозвался Сергей, — сегодня именно твой день!

Пол был земляной, утрамбованный, кое-где на нём лежали старые газеты и тетрадки, а кое-где виднелись свежие следы раскопок — сюда уже успели заглянуть черные копатели.

Коридор вывел их в небольшой зал. Луч телефона выхватил перед друзьями массивную дверь. Она была железной, кованой, с большим старым замком, который выглядел вполне надёжным.

— Это необычная дверь, — тихо произнёс Сергей, подходя ближе. — Только взгляни. Так не затворяют картошку в подвале. Так прячут что-то по-настоящему важное.

Владимир подошёл и потрогал замок. Тот не сдвинулся, зато на нём были заметны следы ударов — кто-то уже пытался его сбить.

— Кто-то уже пробовал эту дверь вскрыть, — сказал он тихо. — Но не получилось. Странно. Такое ощущение, будто её не открывали много десятков лет.

— А может, и ещё дольше.

— Похоже, это и есть вход в те самые ходы, — Сергей посветил фонариком, пытаясь разглядеть щель между дверью и стеной. — Агафья говорила, что там целая сеть подземных переходов.

— И золото, — напомнил Владимир. — Она ведь про клад генерала тоже говорила.

— Агафья ещё и про проклятие упоминала, — поправил Сергей.

— И про то, что не всё стоит искать в этом месте. Или что-то в этом духе.

Они молча стояли перед тяжёлой железной дверью и глядели на неё, пока фонарик на телефоне не мигнул.

— Похоже, у меня тоже скоро телефон разрядится, — прошептал Сергей.

— Что же ты всё шепчешь, друг? Боишься потревожить души погибших от рук генерала? — улыбнулся Владимир.

За дверью что-то ухнуло, точно камень упал в воду. Через секунду вновь воцарилась полная тишина. Подвал был пронизан холодом, где-то капала вода, а сквозняк играл с волосами на затылке Сергея… Или это только казалось. В воздухе витал запах разложения — тот самый металлический привкус, который они уже ощутили наверху.

— Как же её открыть? — задумчиво произнёс Сергей.

— Не знаю, — ответил Владимир. — Но что-то мне подсказывает, что мы вернёмся сюда ещё не раз. И уж точно не с пустыми руками.

Он тяжело опёрся о стену, вытирая кровь с разбитой губы.

— А пока… может, вернёмся к Агафье? — предложил он с вымученной улыбкой. — Мне бы перевязаться и обработать раны.

Сергей вздохнул, ещё раз посветил на железную дверь — она казалась неприступной, словно ждала того, у кого будет ключ.

— Идём, — пробормотал он. — Ты прав, тут ловить нечего. Сваркой, конечно, можно, но это слишком шумно будет…

Он снова приложил фонарик телефона к замку и прошептал:

— Замок старого образца. Массивный, гад, с крупным ключом. Такой, чтобы медвежатник не с ходу взял.

— А это мысль, давай найдём медвежатника? — улыбнулся Владимир, оборачиваясь к двери, словно надеясь, что она сама откроется. — Только где мы его искать будем в такой глуши?

— Думаю, участковый мог бы подсказать, но ему эта идея не понравится, — кивнул своим мыслям Сергей.

Они медленно, стараясь ступать как можно аккуратнее, начали подниматься по узким, склизким ступеням. Каждый шаг отдавался где-то в глубине старого здания, и казалось, что оно дышит им вслед. Воздух был затхлым, с запахом сырости и чего-то неуловимо тревожного.

Как только они достигли верхней площадки и, казалось, им удалось миновать главное препятствие, откуда-то снизу, из дальней утробы подвала, раздался низкий завывающий звук. То ли протяжный вой, то ли мерзкий скрипучий смешок — друзья тут же застыли. По спине у Сергея пробежал холодок, а Владимир резко обернулся и выставил руку вперёд, словно пытаясь защитить их обоих.

— Ты это слышал? — прошептал Владимир, и в голосе у него явно что-то дрогнуло.

— Слышал, — так же тихо ответил Сергей, нервно озираясь по сторонам. — Но что это было? Птица? Зверь?

— Вряд ли, — покачал головой Владимир. — Скорее, кто-то смеялся или плакал. Очень похоже на то.

Они ещё немного постояли, напряжённо вслушиваясь, но звук больше не доносился. Только их сердца колотились так сильно, что, казалось, готовы были вырваться из груди. Страх, возникший у той странной двери, теперь навалился на друзей с удвоенной силой.

— Ну и дела, — вдруг хмыкнул Владимир. — Видимо, нас на подсознательном уровне напугали рассказы твоей Агафьи.

— Почему это моей? — обиделся Сергей. — Она не больше моя, чем твоя.

Владимир обнял его за плечи и тихо сказал на ухо:

— Я же вижу: эта старуха из нас двоих явно больше тебя жалует. Давай так — сегодня уступи мне кровать, а сам переночуй у неё в горнице или на раскладушке, идёт?

Сергей заглянул в глаза другу и понял, что тот над ним подтрунивает. Мотнул утвердительно головой и в ответ улыбнулся…

Глава 4

Несчастный случай

Сергей проснулся рано — от света, что хлынул в комнату, как только бабушка Агафья пошла доить корову и распахнула ставни. Лежал в приятной дрёме слушая шелестящий звук дождя. Дождь нынче не барабанил по крыше, а точно кот — царапал стены и окно. Вспомнились далёкие детские годы, когда вот так же он лежал в старой избе своей бабушки, куда родители отправляли его на лето, а сами уезжали к тёплому Чёрному морю. Но Сергей не завидовал взрослым — наоборот, каждую весну ждал летних каникул, чтобы снова оказаться у своей родненькой бабуличке, которая умела печь фирменные блины с дырочками, а подавала их обязательно с клубникой или чёрной смородиной и, конечно, непременно с деревенской сметаной.

Владимир зашевелился на кровати, застонал, всхлипнул, потянулся и открыл глаза.

— Привет, — весело подмигнул он Сергею.

— Привет, страдалец, — в тон другу отозвался тот.

— Видно, мы с тобой выспались на славу. Я не храпел?

— Слава богу, нет. Но стонал, чмокал и разговаривал ночью, — улыбнулся Сергей.

— Это ты, друг, врёшь. Я не разговариваю во сне. Зубами скриплю — но не разговариваю. Видно, тебе приснилось.

Бабушка Агафья, услышав разговор, бочком прошла в комнату и предложила позавтракать. Она вчера сильно сокрушалась, когда увидела Владимира всего в ссадинах и кровоподтёках. Причитая, заштопала и постирала его дорогую рубашку. Накормила сытным вкусным ужином, расспросила обо всех деталях посещения усадьбы. Надо отдать должное — старушка готовила на славу. Владимир так и сказал:

— Ничего вкуснее в своей жизни не ел, баб Агафь, хотя побывал не в одном мишленовском ресторане! И поднял большой палец вверх.

Накануне вечером бойкая старушка, смущённая похвалами, намекнула, что могла бы постирать и прибраться у молодых людей — разумеется, за отдельную плату, хотя просить деньги ей явно было неловко.

Уже совсем вечером, когда стемнело, пришёл участковый. Он провёл форменный допрос гостей Агафьи, со строгим лицом ещё раз проверил документы и, откозыряв, удалился — на прощание подмигнув хозяйке. Похоже, старушка всё-таки успела кому-то нашептать о том, что произошло с друзьями в доме генерала. Но товарищи не обиделись на Агафью — слишком уж по-матерински она о них беспокоилась, слишком по-деревенски было в этом желание защитить, а не навредить.

Как только дверь за участковым закрылась, Владимир, отдав все свои мелкие деньги, потребовал, чтобы хозяйка открыла доступ в соседний чуланчик. Тот самый, который он разглядел за шёлковым ковром, висевшим возле кровати, — на ковре был выткан сказочный сюжет: Иван-царевич и Василиса Прекрасная сидят на спине Серого Волка, а тот стремительно несётся по дремучему лесу.

В комнате тут же началась перестановка: сдвинули мебель, отперли хлипкую дверь чуланчика. Всё это сопровождалось громкой тирадой Владимира о том, что он человек творческий и чувствительный, и ему иногда требуется затворничество, чтобы привести мысли в порядок. А заодно — дескать, он настоящий мужчина, а всякому мужчине нужен свой угол, где можно спрятаться от всего мира, как медведю — берлога. Комнатка оказалась маленькая, без окна, но чистая — в ней стоял небольшой, видавший виды диван с продавленными пружинами и вытертой обивкой.

Позже, перед сном, когда за окнами уже стихли деревенские звуки и только сверчок мерно вёл свою бесконечную песнь, Владимир вдруг приподнялся на локте и заговорщицки подмигнув Сергею, шёпотом спросил:

— Ты понял, зачем мне этот чулан?

— Неа, засыпая откликнулся друг.

— Выход отдельный. Дверь хлипкая, конечно, но замок можно и сменить. Если что — мы всегда можем исчезнуть, не светясь. Да и вообще, мало ли какие дела бывают. Свидания там, встречи тайные… Или наоборот — если кто-то типа сегодняшнего гостя нагрянет, у нас будет лазейка.

Сергей только усмехнулся и, отвернувшись от друга на другой бок, прошептал:

— Ты, Владимир, как тот Серый Волк с ковра — все-то у тебя ходы-выходы продуманы.

— А как же, — довольно причмокнул тот. — Жизнь — она такая: пока есть план «Б», всё будет океюшки!

Всю ночь моросил дождь, но когда утреннее солнышко заглянуло в окошко, настроение было отличным. Больше Агафья свой архив не показывала и ничего не рассказывала — друзья решили, что она боится, как бы гости ещё в какую передрягу не попали. Утром второго дня пребывания в Андреевке старушка подсуетилась и напекла целую гору блинов. Через четверть часа они уже сидели за вкуснейшей трапезой и с аппетитом наворачивали тёплые блины с малиной и деревенской сметаной.

— Какие у нас сегодня планы? — спросил Владимир, аккуратно прожевывая очередной блин.

— Я думаю, всё же сходить к дому у мельницы, — Сергей взял столовую ложку, засунул её в банку со сметаной, провернул, точно это было мороженое, и, вытащив аккуратный шарик, положил на еще тёплый блин.

— Я тоже так думаю.

— Нет, сегодня тебе лучше побыть дома. Ты явно ещё не оправился после вчерашнего падения, — Сергей покачал головой, исподлобья взглянув на товарища.

— Ну уж нет, так не пойдёт! — вскинулся Владимир. — Ишь чего удумал, дома меня оставлять!

— Ну и рожа у Вас, Шарапов, — усмехнулся Сергей. — Куда с таким фингалом в гости к девушке?

— Не скажи, брат, шрамы только украшают мужчину. И потом, меня мало волнуют двадцатипятилетние готки, я больше по блондинкам. — И он хитро подмигнул Сергею.

Друзья быстро закончили завтрак, поблагодарили бабушку Агафью, оставили ей деньги, пообещав вернуться к обеду. Старушка долго сопротивлялась, комкая купюры в руках, но в конце концов сдалась, убрав их в карман передника, пообещала накормить друзей котлетами из настоящего мяса, «а не как у вас в тех Москвах из черт-те чего».

Владимир натянул джинсовую куртку и первым вышел из дома. Сергей в сенях зацепился за вилы и принялся водружать их на место, но те никак не желали стоять ровно. Изловчившись, он всё же выскользнул из дома, но вилы, зацепив тяпку и лопату, с грохотом рухнули, когда он уже был на середине дорожки, ведущей к калитке.

Агафья посоветовала идти огородами: так, мол, и быстрее, и спокойнее — через поле и небольшой лесок.

Тропинка, начинавшаяся сразу за огородом, вилась до маленького перелеска, к которому с другой стороны примыкала разрушенная почти до основания ферма. Дождь давно прекратился, и воздух стоял ароматный, свежий — казалось, озон проникал в поры, бодрил и наполнял силой. Земля после дождя искрилась сочной зеленью поднявшихся хлебов, а поодаль темнели ещё два перелеска. Местные называли их «Соседними» — уж больно близко к чужим угодьям подступали.

Баба Агафья хорошо проинструктировала гостей, как найти дом рядом с мельницей, да и сами друзья уже начинали понемногу ориентироваться в здешних местах.

Товарищи пошли к темневшему левее лесочку. Вокруг кипела жизнь: над клеверным полем кружились бабочки, в траве суетились муравьи, воздух звенел от пчелиного гула и птичьих трелей, доносившихся откуда-то из поднебесья. Лето дышало полной грудью — густо, радостно, по-деревенски щедро.

Солнце начинало припекать, и от яркого света хотелось зажмуриться. Владимир шёл в тёмных очках, и в какой-то момент Сергей ему позавидовал — свои он оставил в рюкзаке, в доме. По краю тропинки бурно разрослась густая зелень, усыпанная белыми и розовыми цветами каких-то полевых трав, а дальше, насколько хватало глаз, тянулись хлеба — они легко и ритмично колыхались в такт дуновению озорного ветерка.

«Ничего в беспредельной дали — только нивы волнуются, да кое-где между ними островок молчаливого леса или три-четыре берёзы, как подруги, белеют на фоне синего, без единого облачка неба», — явилась фраза в голове Сергея, и он на ходу, достав телефон, записал её в блокнот.

— Ау, друг, ты что, оглох? Не слышишь, что я говорю? — гаркнул Владимир прямо в ухо. Тяжёлая рука опустилась на плечо Сергея.

— Нет, задумался.

— И о чём?

— Любуюсь природой. Посмотри, красота какая. Швейцария, не иначе! Ах, нет — Россия! Великая, громадная, значительная! В городе такого не увидишь. Точно тебе говорю: урбанизация убьёт человечество.

— Не знаю, что убьёт человечество, а вот на мой век хватит и красоты, и урбанизации.

— Почему люди пытаются решать вопросы глобального масштаба, вместо того чтобы решить повседневные маленькие задачки и проблемы?

Владимир остановился, повернул голову к Сергею, спустил очки на кончик носа и внимательно посмотрел на друга.

— Эка тебя, брат, колбасит от кислорода — похлеще текилы! Ты ещё о политике начни разглагольствовать, что всю эту красоту беречь нужно, а не войны воевать!

— А хоть бы и так! Как я смотрю, ты легко живёшь. День прошёл — и ладно? — Сергей взглянул на синяк под глазом друга и пошёл вперёд по тропинке.

— Нет, это такие, как вы, пытаются жить завтрашним днём, вместо того чтобы решить, что необходимо сделать сегодня, чтобы было лучше завтра.

— А совмещать, по-твоему, нельзя?

— Можно, но не нужно.

— Интересная позиция.

На влажной от ночного дождя тропинке неизвестно откуда появились следы от кирзовых сапог.

— Посмотри, следы чьи-то.

Сергей повернулся к Владимиру.

— А ты думал, что ты один тут ходишь?

Следы по сырой тропинке увлекли их в лес. Других следов на тропе не было.

— Охотник, — с уверенностью заявил Владимир. — Неизвестный пришёл из леса и ушёл обратно в лес… Да и следы небольшие. Явно тридцать восьмой-тридцать девятый размер ноги. Человек не тяжёлый, вес около шестидесяти килограмм. Ступает на носок.

— Да ты, брат, следопыт, не иначе!

— Учили, в армии. Разведчик я.

В мокром, блестящем от влажных листьев, насквозь просвеченном солнцем лесу Владимир перестал спорить. Увлёкся преследованием человека, который шёл впереди них. Тропинка

и следы на ней привели друзей к глубокому, заросшему густым кустарником и высокой травой оврагу.

Стежка, выбрав пологий и не слишком заросший склон, нырнула в овраг и растворилась в буйном разнотравье. Пунктиром погрузилась глубоко, на самое дно, в сумрачную зелень, где под густым кустарником таилась чернота. Тот, кто шёл впереди, спускался туда с трудом — скользил, цеплялся за кусты, ломал ветки, сползал по размокшей земле. Но обратно он уже не поднимался: тропинка обрывалась, след терялся в траве на краю оврага. Зато на дне, переливаясь на солнце, весело журчал ручеёк. А чуть дальше, за ним, открывалась бирюзовая гладь озера. Чуть левее под горой, стояли старая бревенчатая изба и мельница.

— Ух ты! Красота-то какая! Нашли мы мельницу, а я уж думал, старуха обманула насчёт кратчайшего пути, — прошептал Владимир.

— Красивое место, — согласился Сергей, кивая.

— Вот если бы я был хозяином, я бы тоже вернулся и потребовал сию красоту обратно в личное пользование. Представляешь, какой здесь можно дом отгрохать?

— Представляю, сколько это сейчас может стоить. Да и электричества нет.

— Ой, не начинай, душнила. Двадцать первый век на дворе. Генератор можно поставить, ветряк, да вон, реку использовать!

— Верно говоришь, друг, — кивнул Сергей.

— Нормальная девка, — Владимир засунул травинку в рот, поморщился и сплюнул. — Раз решила здесь бизнес открыть. Кругом деревни, все сеют хлеб. Мельница на деревне и через сто лет нужна будет. А если её оснастить современным оборудованием и по-деловому подойти…

— Я с тобой вполне согласен. А местные завидуют: может, председатель или какой бизнесмен решил к своим рукам прибрать — вот и мутят воду.

— Слушай, ты уж и статью написал, я погляжу, — весёлые глаза Владимира искрились задором.

— Пошли поближе поглядим.

Стараясь не шуметь, они двинулись к мельнице. Это было небольшое дощатое здание, построенное прямо у водопада. Водный поток вращал деревянное колесо, которое, в свою очередь, приводило в движение гранитные мельничные жернова. Задняя стена мельницы была разрушена, но постройка ещё держалась крепко. Друзья уже видели её накануне, когда шли к дому генерала, — тогда они разглядывали её с противоположной стороны большака. В самом центре находились два огромных гранитных жернова, заполнявших почти всё пространство строения. Жернова вращались очень медленно.

Подойдя ближе к разрушенной стене, друзья заметили хозяйку мельницы. Она шла медленным, ритмичным шагом, неся длинную лестницу на левом плече, а правой рукой грациозно опираясь на бедро, чтобы сохранить равновесие. Незнакомка была очень хороша: среднего роста, с тёмными, точно чёрный шоколад, волосами, в джинсовых брючках чуть ниже колен, со стройными лодыжками. Светлая майка мягко облегала молодую, упругую грудь — ткань, влажная от пота или водяной пыли, прилипла к телу, и сквозь трикотаж угадывался твёрдый контур соска.

Владимир присвистнул…

— И не готка она вовсе!

Девушка поставила лестницу, подошла к жерновам и бросила горсть пшеницы.

Рядом с жерновами, на открытой площадке у самой воды, стоял молодой парень и, энергично жестикулируя, что-то объяснял девушке:

— Я же говорил, не уеду! — донеслось сквозь гул колеса. — Ты не имеешь права!

— Игорь, прекрати! — голос Василисы был резким, но его почти заглушил плеск воды.

Из-за шума водопада и гула вращающегося колеса не было слышно ни слова: только сжатые кулаки парня, рубящие жесты и ладонь женщины, выставленная вперёд, будто она отгораживалась от него стеной. Сквозь занавес водяной пыли, поднимавшейся от колёс, их фигуры казались размытыми, почти призрачными. Изредка долетали обрывки фраз, но их тут же смывало рокотом воды. Они явно спорили, возможно, и ссорились.

В какой-то момент женщина ударила парня по лицу. Рядом, в нескольких шагах, бурлила река — неширокая, но быстрая, с тёмной, холодной водой. Над ней, тяжело и неумолимо, вращались огромные мокрые лопасти мельничного колеса, вздымая облака водяных брызг, сверкающих на солнце радужными искрами. Каждая лопасть с глухим, влажным шлепком входила в воду, поднимая пену и мелкие волны, и выныривала обратно, обдавая всё вокруг мельчайшей водяной пылью.

Где-то за стеной мельницы мерно, неумолимо вращались жернова — тяжело, с глухим, влажным стуком, будто перемалывали не зерно, а само время.

— Пойдем, не стой столбом! Подойдем ближе, — увлекая Сергея за рукав, прошептал Владимир.

Товарищи на цыпочках подошли к разрушенной стене.

Оба спорщика выглядели крайне разозлёнными. Ссора переросла в крик — они уже не говорили, а буквально орали друг на друга. Паренек попытался обнять девушку, но та резко оттолкнула его. Он отступил назад, оступился и с громким плеском рухнул в воду. Незнакомец судорожно забил руками по тёмной воде, открывая рот, точно рыба, в беззвучном крике, — но вместо звука наружу вырвалось лишь бульканье: вода хлынула в горло, залила гортань, лишила голоса и дыхания. В тот самый миг лопасти мельничного колеса обрушились на него, ударили с размаха, смяли, словно он был не живым человеком, а тряпичной куклой, случайно брошенной в водоворот. Лицо исчезло под водой, но через несколько секунд бедолага снова показался на поверхности — и в тот же миг уже вторая лопасть, набирая силу, с глухим, смачным ударом пришлась ему в плечо, утаскивая несчастного в чёрную бурлящую пучину.

Друзья перемахнули через брёвна провала и подбежали к девушке. Она схватила верёвку и кинула её в воду. Парень снова показался на поверхности. Друзья закричали, предупреждая его об опасности, но зря — он не смог увернуться от удара. Заметив верёвку, парень изловчился, схватил её конец, но в тот же миг очередная лопасть пришлась прямо по рукам. Вода окрасилась в бордовый цвет.

— Остановите жернова! — закричал Владимир.

— Нельзя! Их нельзя остановить, только если воду отвести, — прокричала девушка в ответ.

— Чёрт побери!

Выхватив у неё верёвку, Владимир бросил конец утопающему. Тот сумел ухватиться. Хеба стал осторожно тянуть парня из воды. Сергей перехватил верёвку, мышцы напряглись, и тут на помощь подоспел Владимир. В нужный момент он перехватил парня, рискуя сам свалиться в омут, — вытащил на настил и уложил на пол.

Девушка подошла к молодому человеку и опустилась на колени.

— Спасибо, — чуть заикаясь произнесла она, голос её дрожал от напряжения. — Я… я растерялась. Без вас я бы не вытащила его. Он… он такой неосторожный.

— Он ваш муж? — спросил Сергей, глядя на окровавленного, бездыханного парня.

— Нет, конечно нет, — ответила девушка, склоняясь над пострадавшим. — Он просто… пришёл мне помочь и потерял равновесие. Я говорила ему, что здесь опасно, но он не слушал.

— Жив? — спросил Сергей.

— Игорь, — прошептала она, касаясь лица юноши. — Ты меня слышишь?

Губы парня посинели, и он, казалось, не дышал.

— Помогите же ему! — вскрикнула девушка и с мольбой подняла глаза на Владимира. В них стояли слёзы.

Владимир, не теряя ни секунды, отстранил её и принялся делать искусственное дыхание. Пострадавший дёрнулся, закашлялся, из его рта хлынула вода. Спустя минуту он задышал: тяжело, с хрипом, но задышал. Кожа его на глазах стала розоветь, но кровь изо рта окрасила рубашку в бурый цвет. Сергей стоял, весь взмокший, горло перехватило от ужаса. Страх накатывал волнами, парализуя сознание. Парень открыл глаза и смотрел умоляюще — почему-то именно на него. Лицо и руки несчастного были покрыты синяками и ссадинами, из уголка рта сочилась кровь.

Плохо соображая, Сергей вытащил телефон, пытаясь понять, куда же звонить. Девушка вырвала у него трубку и трясущимися руками начала набирать номер.

Через полчаса приехали врачи и полиция.

Глава 5

Рождение

Савелиса встала из-за стола общей кухни и медленно поплелась в свою комнату — туда, где последние пять лет она так и не почувствовала себя по-настоящему защищенной. Время текло клейко и тревожно, да и что оно нынче значило? Огромная страна, в которой Савелиса жила, тоже потерялась, рассыпалась на куски и разлетелась на маленькие части. Из-за стены доносился голос ведущего новой программы «Прожектор перестройки», непрерывно вещавшего о гласности и о чём-то новом, непонятном. Однако здесь, в бараке, всё оставалось неизменным — казалось, ничего не менялось со времён самого крепостного права. Крохотная комнатка не давала уединиться и спокойно поразмышлять о будущем, впрочем, вспоминать прошлое тоже не хотелось. Всё было тяжело.

Боль! Тягучая, тянущая боль внизу живота изводила её с того дня, когда она, не рассчитав силы и по неосторожности, резко подняла бидон с молоком на ферме. Но сегодня боль была иной — тупой, противной, липкой, которую она всеми силами хотела бы приглушить, но не знала как. Можно выпить таблетку, но где бы её взять? В сельской аптеке уже месяц не было даже аспирина. А до райцентра — двадцать вёрст по разбитой дороге.

Савелиса расстегнула халат, сняла бюстгальтер и легла на койку, пытаясь дышать ровно, как учила фельдшер в поликлинике. Не помогло. Села. Ругаясь на себя и кусая губы от боли, попыталась глубоко вздохнуть, однако на этот раз всё было тщетно — силы иссякли, и тело больше не слушалось хозяйку.

Женщина замерла, позволяя боли захлестнуть себя целиком: так ныряльщик позволяет волне сомкнуться над головой, понимая, что через миг она отступит и можно будет глотнуть кислорода. И действительно, через несколько мгновений схватка начала отпускать, сворачиваться, уползать куда-то вглубь, оставляя после себя лишь тупую, ноющую усталость. Но передышка была обманчивой — слишком короткой. Схватка вернётся, и она это точно знала: времени почти не осталось.

Савелиса знала: это только начало. Свет зажигать не хотелось. Она присела на скрипучую койку. На столе в старой рамке стояла выцветшая фотография её прошлой жизни. На ней была она сама — молодая, счастливая, рядом светловолосый кудрявый парень. Утонул… Ушёл с мужиками к старой усадьбе, там напились водки и решили искупаться в озере. Через месяц она поняла, что понесла. Волна воспоминаний нахлынула, но Савелиса оттолкнула её. Прошлое было так же тяжело, как и настоящее, и заглядывать в него не хотелось.

Её взгляд упал на этажерку у кровати. Среди всякого хлама в самом углу лежал небольшой фотоальбом — маленький, потрёпанный, в бархатном переплёте. Её незначительное богатство. Там сохранилась фотография даже самой первой Савелисы, прабабки. Она протянула руку, но боль снова сдавила живот, заставив застонать. Всё же она добралась до альбома и раскрыла его. Старые фотографии, кое-где над карточками надписи, год съёмки. Но вдруг внимание привлекла одна фотография: её мать стоит с красивым курчавым парнем. Фото старое, потрёпанное, с белым надломом посередине, который точно перечёркивал лицо юноши. Выше нетвёрдой рукой, с ошибкой, крупными буквами выведено: *«Надежда живёт там, где ты её видешь»*.

Савелиса закрыла глаза, и по щеке потекла крупная слеза. Где же её мать видела надежду? Тогда, в конце сороковых, после войны? Да, надежда была в социализме, только все об этом забыли нынче. Современный ведущий «Прожектора перестройки» говорил о переменах, о том, что всё будет иначе. Может, он прав? Может, и вправду скоро всё изменится, и она снова сможет почувствовать себя счастливой, а капитализм принесёт стране благополучие? Может,

семьдесят лет страна жила неправильно? Но пока… надежда на лучшую жизнь так же далека, как и обещанный развитой социализм после войны.

Она поморщилась, открыла глаза и глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь. Боль чуть отступила. Савелиса посмотрела в окно. Уже вечерело. Заходящее солнце окрашивало небо в багровые тона. Красиво. И почему-то именно сейчас, в этот момент, она почувствовала, что хочет бороться — как призывал ведущий за стенкой. Да, нужно собраться, попытаться бороться, надеяться, ждать и выжить!

Она ещё раз взглянула на альбом, потом на фотографию матери. «Красивая. Я не столь привлекательна в её возрасте была», — подумала женщина. Но и не уродка, а жизнь сломлена. Нет, прошлое не должно определять её будущее. И даже эта боль — тягучая, изматывающая — не сломит её. Она встанет, как вставала всегда, когда было трудно. И она дождётся перемен.

Женщина не шевелилась — лоб покрылся испариной, и очень хотелось пить, но сил протянуть руку и взять стакан с водой уже не осталось. Рука скользнула по холодному металлу спинки кровати. Прохлада принесла мимолётное облегчение, и она смежила веки, легла. «Жребий брошен, — произнесла она. — О Боже! Жребий брошен!»

Двойняшки пришли в мир, когда ночь уже вступила в свои права, и луна заливала серебром листву старых, пыльных деревьев. Их первый крик разорвал тишину — тонкий, пронзительный, почти птичий, но требовательный. Крошечные, величиной с мужскую ладонь, девочки заявляли о своём праве жить — не просили, не молили, а требовали, будто знали, этот мир им должен.

Савелиса сделала для них всё, что могла, — всё, что было в её материнских силах. Родить, вызвать к свету с максимальным умением и быстротой, щадя их слабость. Подавляя в себе переживания и старые воспоминания, волнения и тревоги, она думала лишь о том, чтобы с честью исполнить свой долг женщины. Проблемы начнутся позже — когда связывающая нить будет рассечена железом.

Перед самыми родами, когда схватки уже накатывали одна за другой, соседка, сердобольная старушка, заглянула в приоткрытую дверь и сразу всё поняла: у У Савелисы начались преждевременные роды. Бабушка многое видела в прошлой жизни, да и новую постигла тонко, по-бабьи мудро. Осмотрев Савелису, знахарка не стала скрывать: предстоит родить двойню, а ждать помощи неоткуда. В глухую деревню неизвестно когда приедет карета скорой помощи.

— Держись, девка, такова бабская доля, — прошептала она на ухо и побежала греть воду.

Савелиса здраво оценила последствия этого заключения уже в самом начале родов. Тяжёлая борьба! А силы её на исходе! Ей страшно было даже подумать, что станет с малышами, если её не станет. Забытое проклятие станет реальностью. Где же скорая помощь?

Она не слышала первого крика девочек. Измученную, почти потерявшую себя, женщину отвлёк от процесса родов знакомый силуэт, который она различила у своего изголовья. Савелиса провела рукой по глазам, повернула голову и вскрикнула: «Мама!». Молодая, очень похожая на неё саму, но со светлыми волосами, заплетёнными в тугую толстую косу, стояла у железной кровати женщина. Это была её мать.

— Мама? Мама! Мамочка, где ты?

Она не находила её — искала взглядом, металась по подушке, скользила расширенными от ужаса глазами по комнате, выискивая родное лицо.

— Не уходи, помоги! Где ты?

То ей казалось, что она видит её, то вновь теряла образ матери. Помутившееся сознание блуждало между явью и тенью, не в силах связать настоящее с прошлым и будущим. Где-то рядом раздался слабый, тонкий крик — он поднимался к центру комнаты и невыразимой тоской раздирал душу. Савелиса перевела взгляд на большую корзину, что служила младенцам колыбелью. Её водрузили на стол, и в ней, словно в гнезде, лежали две крошечные девочки.

Рождение двойни всегда таило в себе множество примет, толковавшихся по-разному. Но Савелису радовало, что родились девочки. Если не выживет одна — быть может, выживет другая. А если обе смогут выкарабкаться из чёрной пасти смерти? Тогда сбудутся ли пророчества? Хаотичные мысли и странные видения терзали её уже несколько часов. Могла ли она питать хоть какие-то иллюзии насчёт выживания детей, родившихся недоношенными и такими слабыми?

День сменяла ночь, но времени уже не существовало. Тот, кто подносил ей детей для кормления, отводил глаза. И она понимала: сон, внезапно налетавший на девочек у её груди, был не сном сытости, а бессилием перед жизнью. Малышки совершали героические попытки захватить материнский сосок, но слабость не позволяла им удержать его, чтобы живительная влага могла хоть как-то поддержать их истощающиеся силы.

Но и силы самой Савелисы таяли. Женщина уже всё поняла: кровь, что текла из неё, не остановить. За тонкой стеной диктор всё так же бодро вещал о достижениях перестройки, а необходимых лекарств в деревне было не сыскать. Травы, которыми поила её сердобольная старушка, почти не помогали.

Поток энергии, связывающий всех троих, пронизывал девочек и мать наподобие волшебной радуги. Однако с каждым часом свет угасал. Савелиса чувствовала, как он бледнеет над её тонкой, почти прозрачной рукой, лишая последних сил. К исходу дня ей пришлось пережить мгновение, когда она решила, что одна из девочек умирает.

Был вечер. Небо затянуло облаками, но удушливая жара и пыль проникали через окно. Духота изматывала, и хотелось освежающей грозы — обливаясь потом, Савелиса держала перед собой голенького младенца в выемке одеяла, согнув ноги в коленях, и глядела на малышку, следя за угасанием её жизни, и тихо плакала. У девочки была круглая головка со светлым пушком на макушке, маленький острый носик и губки бантиком. Если бы она выжила, пронеслось в голове, — она бы была похожа на мою мать.

— Не умирай, моя маленькая, моя любовь! Умоляю тебя! Живи! Забери мою жизнь, но живи!

Савелиса пыталась позвать на помощь, но голос предал её. За тонкой стенкой диктор всё так же рассуждал о светлом будущем страны. Комната была пуста — казалось, мир обезлюдел: только Савелиса, дочки и работающий в соседней комнате телевизор.

Да, они были одиноки — мать и дочери, плывущие в духоте угрюмой ночи на борту неведомой лодки в безызвестность, населённую призрачным мерцанием и тенями, пришедшими из какой-то иной, не их жизни. «Человек рождается один и умирает один», — пронеслось в голове женщины.

— Но нет — не мои девочки! Они родились вместе и должны жить! Они не будут одиноки! А ведь детям ещё не дали имени. Может быть, им предстоит умереть безымянными?

На столе, рядом с корзиной, лежала старая газета и огрызок карандаша. Савелиса взяла карандаш и на белой полосе начала писать: «Назовите одну девочку в мою честь, а вторую — Василисой!» После еще долго смотрела на малюток. Одну взяла на руки и легла с ней в кровать.

Внезапно девочка откинула головку назад, подобно раненому зверьку, которому переломили позвоночник. Руки малышки опали и безжизненно скользнули вдоль животика. Савелиса, в последней безумной мольбе, закричала:

— Не умирай! Слышишь? Ты должна жить!

Женщина прижала тельце дочери к себе, поддерживая ладонью её отяжелевшую маленькую головку. Её дыхание перемешалось с дыханием девочки.

— Живи! Возьми мою жизнь, но живи!

Из тёмного угла комнаты вновь обозначился призрак матери, и Савелиса всё поняла. Она перевела взгляд с лица дочери на полупрозрачное лицо призрачной гостьи и, захлёбываясь в слезах, умоляюще простонала: «Помоги!». Призрак подошёл ближе. Женщина в упор посмот-

рела в строгие глаза: кротость улыбки и безмятежность облика были не праведными, а грешными.

Сделка должна совершиться. И тут разразилась гроза! Раскаты грома, буквально сотрясли старые стены. Молния хлестала небо, не жалея небесно-фиолетовую плоть.

Смирившаяся, сломленная горем, женщина безропотно отдала призраку ребёнка. Старшая Савелиса наложила руки на неподвижное тельце и начала поглаживать его — фосфоресцирующие лучи от её ладоней охватывали маленькое безвольное тело, а из глубины глаз на девочку упал властный луч.

Внезапно младенец вздрогнул, затем выгнулся в последней судороге — ножки свело, маленькие кулачки заметались в беспорядочных движениях. Лицо ребёнка исказила гримаса: оно сморщилось, будто сжалось, почти исчезло, превратившись в широко открытый рот, из которого вырвался пронзительный, режущий уши крик. В тот же миг из него забил фонтанчик — источник жизни, струйка невинной, изумительно чистой, неосязаемой материи.

Призрак повернулся к Савелисе и прошептал:

— Она голодна, накорми!

Под требовательным ртом дочери женщина почувствовала, как стихает боль в отяжелевшей груди — боль, усугублявшая страдания её измученного тела, но другая, более сильная боль зарождалась с каждым глотком девочки.

Вспомнив в последнее мгновение о том, что она значила на земле и для чего ей необходимо было пройти через все мучения, Савелиса поняла: миссия выполнена. Она смогла обмануть судьбу. «О Господи! Прости нечистые помыслы тому, чей порог обагрён кровью агнца!»

Жар начал усиливаться. Несмотря на ливень, прохладнее в комнате не стало. Обливаясь потом, Савелиса отложила спящую девочку и, опустив ноги на пол, почувствовала воду. Струйки воды смешивались с кровью, заливая пол. Призрак исчез. Взглянув на вторую дочь, женщина ощутила себя слабой и ошеломлённой, чем когда-либо.

«Смерть рядом», — пронеслось в голове. Странно, почему не страшно? Темнота и влажный воздух проникали сквозь окно, которое распахнулось под натиском стихии. «Свет!»

Белый яркий свет, ослепительный и всепроникающий, прогнал последние тени в комнате. Савелиса закрыла глаза, изнемогая от нахлынувшей волны облегчения и странного, почти блаженного покоя. Прошлое, с его муками и проблемами, растворялось, уступая место новому витку жизни. Но теперь было два шанса! Она слышала тихий, успокаивающий писк младенцев, прижимала их к груди. Да, её жизнь будет отдана, чтобы другие две новые могли расцвести!

Сквозь ресницы всё ещё мелькали отблески необычного света — словно следы пережитого преображения. Она сделала глубокий вдох, наполняя лёгкие воздухом, который вдруг стал чище, насыщеннее, с ароматами луговых трав, свежескошенной травы и сырой земли. Боль, терзавшая тело, постепенно отступала, уступая место лишь лёгкой ноющей усталости — той, что приходит после долгих, изнурительных сражений. Но это была особенная усталость: усталость победы, усталость освобождения.

Сознание рисовало картины бескрайних полей и лесов. Потом — ощущение полёта. На мгновение она вернулась в свою комнату и ощутила запах молока. Младенцы, уютно укутанные в байковые пелёнки, тихонько ворочались, и их крошечные ручки неуверенно скользили по прохладной коже матери. Да, она уходит, но две маленькие её частички остаются в этом жестоком мире.

Остаются, чтобы победить! Проклятие не исчезло, но появилась надежда. Дар, полученный за всё, что она когда-либо знала и любила. В его дыхании, в его мягком тепле она видела отголоски того, кем была раньше, — полной надежд, тревог и мечтаний. Теперь она преображалась, становясь чем-то или кем-то иным.

Подобно утренней влаге, растворяющейся в лучах молодого солнца, Савелиса чувствовала, как её возносит к этому всё более яркому свету — беспредельному, как свод небесный,

или путь, уходящий в бесконечность. Подобно капелькам росы, она распахивалась, улетучивалась, ощущая себя сущностью и сверхсущностью — частицей чего-то большого, необъяснимого для человека.

Она ускользала. Становилась прозрачной и неосязаемой. Возносясь, Савелиса ныряла в пространство, как в воду купальщик, растворялась в нём, уплывала туда, где нет ни страданий, ни забот, ни боли.

С вершины своего парения увидела две розы в птичьем гнезде. Одна была алой, как кровь, другая — белой, как тот свет, что манил её вперёд.

«Бедные маленькие существа, — пронеслось в голове, — я не в силах больше помочь вам!»

Свет, точно шаль, окутал её и поглотил. Последний вздох, последнее прикосновение к детским пальчикам — и всё. Она ушла, оставив им тепло, которое не согреет, но сохранится навсегда: свет материнской любви, зажжённый в самой глубине их маленьких сердец.

Глава 6

Участковый

Детство дяди Миши прошло в Андреевке. Воспитывала его бабушка — родители были живы, но в их жизни ребёнок оказался лишним, неудобным, не вписывающимся в малогабаритное жильё города. Да и перестройка с последующим бедламом в стране не позволяла родителям много заниматься сыном. «Работают, родимые, работают, — вздыхала бабушка, суетясь по избе. — С утра до ночи, без продыху. А дитё-то, дитё… Оно ж не картошка, чтоб в подвале лежать до нужного часа. Чадо тепла просит, взгляда, руки материнской. Да только где ж им, городским, до того. Им бы квартиру оплатить, да на хлеб заработать». Бабушка, мать отца, вложила в паренька всю душу. Родители приезжали часто, почти каждые выходные, но в воспитание не вмешивались — словно он был им не сыном, а дальним родственником, двоюродным братом или племянником. Держались с мальчонкой отстранённо, гостили день-два, не дольше, и уезжали обратно в город с полными корзинами деревенских гостинцев.

Деревня для Мишки стала и домом, и школой, и тюрьмой — до шестнадцати лет, пока он не сбежал в город к родителям. К тому времени они уже развелись и жили каждый в своей однокомнатной квартире — с центральным отоплением и горячей водой, но без той теплоты, что была в бабушкином доме. В городе Мишка не прижился: слишком тесно, слишком шумно, слишком пусто. Он вернулся, когда бабушка умерла, — дом свой она записала на любимого внука. Точно знала, что он вернётся!

Мишка рос здоровым, плечистым увальнем — ходил вразвалку, чуть шаркая, штаны вечно сползали. Любил задираться. Окончил Тереньгульскую десятилетку, поработал трактористом — не понравилось. А тут как раз подошёл срок в армию. Под погонами он быстро освоился, даже успел в горячих точках побывать, героем стать, медальку получить, да дослужиться до старшего сержанта — оставили на сверхсрочную контрактную службу.

Но что-то не заладилось: то ли с начальством что не поделил, то ли с «духами» в части. Вернулся «на гражданку».

Месяц пил беспробудно. Друзья разбежались, а он нет — к самогонщикам пойдёт, возьмёт бутылку и снова в запой. На тридцатый день проснулся на чужом сеновале и стал размышлять «за жизнь».

— Куды податься? Как жить? Что дальше делать?

Тут мимо бабка Агафья проходила, услышала, что паренёк сам себе вопросы риторические задаёт, да сдуру и крикни:

— В милицию, сынок, иди! Тама тебе самое место!

Мишка у виска покрутил да побрёл к озеру. А сам размышляет: «С колхозом всё ясно — разворовали. Камня на камне не оставили. Зарплату годами не платят. Махнуть в город? Тоже не сахар. Квартиру сними, еда, одёжа, — опять же деньги, и молодой ведь — погулять охота. Да и зарплата не бог весть какая, а работать везде надо. А может, и впрямь в милицию?» Ему уже намекали в военкомате. Бурханыча, их участкового, перед самым Мишиным приходом из армии проводили на пенсию, а на его место желающих в деревне не нашлось. Наездами бывает соседский участковый, но тож разве работа…

Подумал Миха, подумал и решил идти в милиционеры. Работа не пыльная — сиди да старых бабок вопросы решай, кто в чей огород залез, какая коза чью капусту сожрала. Отправили Мишку на краткосрочные курсы в школу милиции, что в Ульяновске. А через три месяца заявился Мишаня домой — по всей форме, так сказать.

Нет никого, пусто, пошел к соседке, бабке Агафье.

— Младший лейтенант Гончаров Михаил Игнатьевич для прохождения дальнейшей службы в село Андреевка прибыл! — Довольно улыбаясь, выставляя кривые зубы, крутнулся на каблуках новоиспечённый участковый.

— Боженьки-ты мои!

— Ну как, бабка Агафья, сидит на мне форма? Блеск, правда?

Старая чуть в обморок не хлопнулась. На табурет присела, платок потуже затянула под подбородком, а когда отошла, запричитала:

— Чучело ты огородное! Людей смешить надумал? Ну какой из тебя милиционер? На позор только?

— Ты ж сама мне эту идею подала, старая! — обиделся Мишка. — Ты это брось, Агафья. У меня в роте по струнке ходили. Я им не Бурханыч. Вмиг в Андреевке порядок наведу.

— Одной фуражки с кокардой мало, коли ветер в голове гуляет.

— Будь спок, бабуля! Увидишь: через год — лейтенант, через три — страшный лейтенант и так далее. Молодёжь сейчас в цене. Нас мало! Не то что раньше…

— А коли убийство в селе, или чего хуже?

— Бабуля, какое убийство? Старухи да старики по печам сидят. Какое у нас хоть преступление, когда было? Ну, разве что корова в лесок забредёт, а так…

— Смотри, не было, не было, а счаз народ чужой в деревню едет. Може, и случится чего. А ты-то что… и следствие нормально провести не сможешь. Вот я тут по телевизору видала…

— Ага, ты ещё про «Бандитский Петербург» мне расскажи, баб Агафь.

— Вот увидишь, Мишка, сядешь в лужу, а там начальство приедет, да вытурят тебя, а то и ещё хуже.

Бабка махнула на гостя рукой и направилась к новенькой газовой плите — недавно газ в деревню провели. Надо было новоиспеченного участкового, да борова Витьку кормить.

Запомнился Михе первый рабочий день.

С девяти сидел он за расшатанным, покрытым чернильными пятнами столом, внимательно считая галок на проводах за окном. Во дворе сельсовета мужики явно соображали на троих. Ещё вчера Мишка бы, не раздумывая, направился к ним, но сейчас… Участковый горестно вздохнул, с тоской отвёл взгляд от окна — надо было привыкать к своему новому положению.

Под конец рабочего дня стукнула дверь и на пороге возникла Галя Рудакова — крикливая, толстозадая баба с вечно грязными волосами. Заскочила, плюхнулась на видавший виды стул и заявила:

— Попугал бы ты моего, а, дядь Миш!

Миха поморщился, словно от зубной боли, от панибратства, но смолчал, уставился в стол, буркнул:

— Какой я тебе дядя, племянница нашлась? Давно ли за косы драл? Обращайся по форме: товарищ младший лейтенант.

— Так вот, — Галка хлопнула муху, которая села на стол. На поверхности осталось красное пятнышко, а посетительница потёрла руки и продолжила: — Поговори ты с моим.

— А что, бьёт, что ли?

— Не, не бьёт. Кабы бил, значить, любил-то, — а этот щиплется.

— Как щиплется? — удивился Мишка.

— А так… — она вскочила, ухватила участкового за руку пальцами и больно ущипнула.

— Ты чего, с ума сошла? — вытаращил глаза Миха.

— Синяк же будет!

— Да, синяк! Да он ещё с вывертом норовит, а ручищи у него видал какие? Не чета моим.

Мишка молча соображал.

— Попугай ты его, сил уже терпеть нет. Прямо гестаповец какой — в синяках хожу, аки ёлка в игрушках. Сейчас вона на речку купаться ходят, а я не могу. Ты ж глянь, всю исщипал, как гусак! Живого места не оставил… — Галя стала расстёгивать кофту и задирать подол.

Мишка не ожидал такого поворота, покраснел до корней волос, вскочил:

— Ты куда пришла? В баню?

— А я что… я показать, доказать, то есть… Следственный эксперимент как-бы…

— Галина Степановна, срочно приведите себя в порядок, ненароком кто заглянет. Берите бумагу и пишите заявление.

— Чё писать-то? — насторожилась Галя.

— Заявление. Не могу же я с твоих слов…

— А его не посадят?

— Ты зачем пришла? — Мишка начал терять терпение.

— Мне пугануть только…

Взяла ручку, почесала ухо, начала писать.

— А как про места писать-то?

— Какие места?

— Ну, где щиплется?

— Пиши, как умеешь, чай, одну школу заканчивали, там разберёмся.

Зарегистрировав заявление, Мишка с важным видом поинтересовался:

— Он когда у тебя с работы явится?

— Так он-то сейчас не работает.

— Значит так: сегодня приду, поговорю. Только ты ему пока не сказывай, что у вас буду, не предупреждай, лады?

— Угу.

Галина развернулась, с шумом выдохнула и вышла за дверь.

— Да, вот и начало… Убийства, грабежи, разбой… Бабы дурные, да алконавты, чтоб им пусто было!

С тех пор минуло много годков. Он действительно ходил в звании старшего лейтенанта. Съездил на полгода в Чечню, привёз деньжат и женился на девушке из хорошей семьи. Остепенился, подтянулся, бросил курить и каждое утро бегал трусцой до генеральского дома и обратно. Но всё равно оброс жирком и уважением. Однако не так давно на его голову посыпались одна за другой проблемы: то корова пропадёт в лесу, а после издохнет, то человек пропадёт — выловят из озера, то пожар… Не успевал крутиться, да отписываться. Даже компьютер старенький в управе выпросил, принтер раздобыл, модем за свой счёт поставил, интернет подключил. Но новомодная всемирная сетка мало помогала — не успевал Миха разобраться с одним, как тут же наваливалось другое.

Бабка когда-то оказалась права: много приехало народа из бывших республик СССР. Народ разный, дяде Мише непонятный. Люди стали злые, чёрствые. А тут ещё напасть — заявилась молодая красивая девушка на старую мельницу, предъявила какие-то документы и стала жить в покосившейся избенке. Оформила всё по закону, как частную собственность. Первые полгода люди молчали, а потом, как с цепи сорвались: «Ведьма! Савелиса вернулась! Быть беде!» Пошла молва по деревне: старухи, как за коровами пойдут, так и давай молодым легенду пересказывать. А те — народ молодой, ветреный, горячий — понесли черт-те что по всей округе.

Дядя Миша ходил к молодой «ведьмочке». Хороша, ох хороша! Познакомился — зовут, правда, не Савелиса, а Василиса. По его мнению, имя нормальное. Одним словом, криминала в том, что молодая бабёнка решила заняться бизнесом, он не видел.

Но сельчане его благодушие по отношению к Василисе не разделяли. Впрочем, женская половина села была настроена более враждебно, чем мужская, — и понятно… Красавица!

Василисе было около тридцати, когда она появилась в деревне. На людях не мелькала, гулять выходила редко — всё больше у себя, на чёрном озере, хлопотала по хозяйству. Парни, конечно, засматривались — молодой женщине не откажешь в красоте, — но что-то в ней отталкивало сильнее, чем притягивало. При всей её ухоженности, при гармонии и правильности черт, да изяществе манер, у мужчин она вызывала не восхищение и симпатию, а глухую, почти животную неприязнь. И причиной тому, казалось, были её глаза — холодные, зелёные, с притаившейся где-то в глубине настороженностью. В них было что-то неуловимое, что заставляло держаться на расстоянии.

Говорила она редко, но если уж начинала, её внимательно слушали — речь лилась ровно, складно, без деревенской тягучести и без городской скороговорки. Слова подбирала точные, сдержанные. Изъяснялась так, будто знала о том, о чём вела речь, и ведала больше собеседника. Многие хотели понять, кто она на самом деле. Откуда пришла? Правда ли она та самая Савелисина дочь? Но на такие вопросы молодая женщина не отвечала — резко обрывала разговор и уходила. Сельчане наблюдали и ждали. Никто так и не узнал, откуда она взялась и действительно ли она дочь той самой Савелисы, что, по слухам, заманивала деревенских парней к чёрному озеру.

У Василисы явно водились деньги — одевалась она дорого, со вкусом, вещи носила брендовые. Ездила на ярко-красной «Ниве-Шевроле» последней модели. В общении была ровна, суха, но не раздражительна. Лишь единожды изменила она своему обычному спокойствию — когда Галка Рудачиха в сельмаге обозвала её ведьмой.

— На себя посмотри, — цыкнула на неё Василиса. — Собака кудлатая! Ты лукава и зла, впрочем, как все, — и повадки у вас шакальи…

Галина остолбенела. Василиса же презрительно посмотрела на неё, расхохоталась, развернулась и вышла из магазина, так ничего и не купив.

А спустя несколько дней Галка вдруг заболела — покрылась прыщами, врачи разводили руками: аллергия, мол. Но Рудачиха твердила своё: «Ведьма проклятье нашептала! Не иначе, ведьма! Ведьма с черного озера проклятая, не жить мне теперь!»

Случайность ли или, и, правда «ведьма нашептала» дядя Миша не знал. Но в последнее время все напасти приходили именно с того конца деревни, где поселилась Василиса. Да что сделаешь — не докажешь. Домыслы и сплетни к делу не пришьешь.

……

У сельсовета собралась шумная разномастная толпа. Милицейские УАЗики стояли носами к главному входу, а чуть поодаль, будто нарочно бросая вызов, алела ярко-красная «Нива-Шевроле». У крыльца толпились и местные, и тереньгульские — мужчики и бабы, все вперемешку. Со всех сторон летели обрывки фраз: «Слыхано ли такое?», «Да неужели правда?», «Игоря чуть ведьма не утопила!». Галина Рудакова, распихивая толпу локтями, кричала громче всех:

— Убийца она! Говорю вам, люди добрые — убийца!

Толпа волновалась, крики Галины будоражили собравшихся. Вопли множились, точно вирусная эпидемия, перелетали от одного зеваки к другому, росли и обрастали новыми слухами, пока Михаил Игнатьевич Гончаров пробирался к дверям сельсовета. Внутри, в зале заседаний, уже находилось несколько милиционеров из Тереньги, московские гости, которых дядя Миша определил на ночлег к бабке Агафье, и Василиса. Пострадавшего уже увезла «Скорая» в Тереньгульскую ЦРБ. Молодая женщина выглядела спокойно, даже как-то отрешенно, будто происходящее её не касалось. И только сцепленные в замок пальцы на коленях выдавали, как сильно она напряжена. В комнате тянуло сыростью, махоркой и тем особым тревожным запахом, который появляется в деревне, когда случается что-то из ряда вон выходящее в представлении сельского обывателя.

Дядя Миша зашёл в зал чинно, поздоровался, и следом за ним сразу же повалил народ — словно все только его и дожидались.

Люди хлынули в зал так, будто случилась не трагедия — покалечился один из самых видных комбайнеров перед уборочной страдой, — а праздник: пробирались по двое, некоторые семьями, с детьми, с любопытством заглядывая поверх голов. У окон сбилась в кучу перепуганная мелюзга — глазели, перешёптывались, прижимались курносыми носами к грязным стёклам сельсовета, что-то доказывая друг другу. На траве валялись брошенные кепки и картузы, кто-то второпях оставил на крыльце пустую авоську. А из соседнего двора тоскливо и тревожно мычала недоенная корова.

Василиса сидела в углу на скамейке и молча смотрела на дядю Мишу. Её зелёные глаза странно мерцали, будто она видела что-то особенное, недоступное другим. Но губы были плотно сжаты, точно красавица боялась ненароком проговориться о том, что остальным знать явно не следовало.

— Товарищи, уважаемые, выйдите из помещения! — резко, с металлом в голосе, перекрывая гул, крикнул дядя Миша.

— Как это покиньте… Я мать! Почему я должна уходить? Пусть эта, прости господи, расскажет, как она мне чуть сына на тот свет не отправила!

Владимир, который сидел поодаль от виновницы происшествия, вскинулся со стула и заявил:

— Бог с вами, она не виновата! Всё произошло на наших глазах, и потом он жив…

Но его не дослушали.

— А ты кто? — влезла Галина Рудачиха. — Спонсор ея? Знамо мы таких! Сговорились!

— Чушь мелете, женщина! Мы с Василисой даже не знакомы!

— С Василисой, — передразнила Рудачиха, — не знакомы! Знаем мы про вас всё. Из самой Москвы к ней сразу два кобелька прилетели…

Глаза женщины потемнели, зрачки расширились — в них сверкнули то ли слёзы, то ли ненависть. Василиса обвела людей тяжёлым, горящим взглядом:

— За что вы ненавидите меня? Как вы можете судить?

— Можем, можем, — опять взвилась Рудачиха. — Допрыгалась, мадама! Ведьма гадкая!

— Меня? — спросила Василиса, пронзая горлопанку горящим, диким взглядом, и невыразимо надменная, почти демоническая усмешка исказила её красивые алые губы.

— Тебя!.. — прошипела Галина, в то же время бессознательно крестясь и стуча зубами.

Обе женщины смерили друг друга ледяными взглядами. На минуту воцарилось страшное молчание. Дядя Миша подошёл к женщинам:

— Всё, без тебя, Галина, разберёмся. Иди. Нам работать надо, так и до вечера не закончим.

— Знамо мы, как разберётесь! В тюрьму её сажать надо, точно вам говорю. Не посадите — горе будет. Всем легче жить станет, да и тебе, дядя Миша, работы поубавится!

— Ох, и зла же ты на язык, Галина!

— Правду я говорю! То, что вы по углам шушукаете, я в лицо ей говорю, хоть и страдаю потом. А всё одно — она жить здесь не будет! Или мы все подохнем!

— Смотри, Галина, к суду привлеку. Нечего тут самосуд устраивать. Иди домой подобру-поздорову.

Дядя Миша, достал из кобуры пистолет, помахал им над головой и вытеснил посторонних из залы. Закрыл плотно дверь.

— Ну что, приступим, благословясь?

Достав нужные бумаги, дядя Миша важным видом начал заполнять протокол.

Глава 7

Побег

Телегу трясло на ухабах, и когда колесо наезжало на булыжник, её подбрасывало так, что дух захватывало. Савелиса вдруг вспомнила, как в первый раз в жизни ей разрешили покататься верхом. Тогда, давно, сильные руки взметнули её в воздух и усадили в седло серого в яблоках красавца. Нет, страшно не было — только ветер в лицо и то самое чувство, будто летишь.

Рядом с детским домом пасся табун, и старый конюх из соседней деревни однажды разрешил ей прокатиться. Она до сих пор помнила, как лихо проскакала тогда на глазах у мальчишек из детского дома: ветер бил в лицо, раздувал волосы, а из-под копыт вылетали такие же чёрные комья земли, как сейчас из-под колёс телеги.

Помнила, как с завистью из окна смотрела Васька, и как мальчишки чуть позже наперебой упрашивали старика: «Дядь, ну дай хоть разок!», «Ну хоть просто постоять!», «А чё ей можно, а нам нельзя?» Но конюх никому не разрешил, даже ружьём пригрозил для острастки. Савелиса тогда чувствовала себя чуть ли не королевой.

Теперь она впервые ехала в телеге, свесив босые ноги. Колёса неторопливо крутились, то и дело швыряя в неё большие чёрные комья грязи. Ночью прошёл дождь, и дорога, по которой ещё полчаса назад она шлёпала по колено в жиже, была почти непролазной. Ехала она с незнакомым, молчаливым, но симпатичным старичком-возницей, который подобрал её — мокрую, грязную, замёрзшую — и, конечно, сразу догадался, что девочка сбежала из детского дома. Дедушка внимательно выслушал сбивчивый рассказ Савелисы о тётке в Инзенском районе, молча кивнул, давая понять, что отвезёт. Дорога убегала через редкий лесок туда, назад — к её казенному дому, в котором она прожила почти двенадцать лет.

Маму она не помнила. У сестры была карточка — красивая молодая женщина, но Савелиса не верила, что это их мать. «Васька всегда что-то придумывает, веры ей нет. Стащила где-то фотку, а выдаёт, будто это наша мамка!»

Это был третий побег в её жизни. Но либо она была слишком мала, либо ей просто не попадались такие добрые старички — раньше её всегда ловили, наказывали, а потом строго следили за каждым шагом. Савелиса терпеть не могла этот контроль. А Васька, сестра, наоборот, бегала к воспитателям и докладывала обо всём — и о сестре, и о других ребятах.

Нынешний побег был самым неожиданным в её жизни. Для неё самой неожиданным! Нет, в этот раз убегать она и не думала — всё вышло спонтанно, после ссоры с сестрой.

Савелиса очень любила Василису, но у той был ужасный характер. Просто отвратительный! Впрочем, по заключению педагогического совета, плохой характер был именно у Савелисы, а вот у сестры — образцовый. Ваську всегда ставили в пример. Её больше любили воспитатели и учителя — и в детдоме, и в школе. И друзей у неё было больше. У неё вообще всего и всегда было больше. Если в детдом приезжали гости — она получала самые красивые подарки. Но самое неприятное — Васька пользовалась успехом у мальчишек. В драматическом кружке, где они были задействованы обе, сестре всегда доставались главные роли, а Сявке — так дразнили Савелису сверстники — второстепенные, а однажды и вовсе пришлось играть жабу в «Дюймовочке».

И, наконец, Василиса была красивее. Хотя они были очень похожи: лицо, губы, разрез глаз, даже фигура, как под копирку. Отличались только волосы и цвет глаз. У Василисы густая, тёмно-каштановая грива, переливающаяся и искрящаяся на солнце всеми цветами радуги, а у Савелисы — светлые, с рыжеватым отливом, тонкие волосёнки. Правда, они вились от природы мелкими кудряшками, но это как раз больше всего бесило воспитательницу.

«Срочно пойди и приведи волосы в порядок! — кричала Ирина Борисовна. — Посмотри на Василису: ребёнок как ребёнок, а ты — чёрт-те что и сбоку бантик! Пеппи Длинный Чулок!»

А еще глаза… Да, глаза у них были разные. У Василисы — зелёные, точно море на той картине, что висела в фойе. А у Савелисы — серые, с мелкими зеленоватыми пятнышками. И не зелёные, и не серые. Опять — чёрт-те что и сбоку бантик.

И вот побег свершился! Теперь Савелиса знала твёрдо: ни за что не вернётся в этот дурацкий детский дом. Пусть Васька остаётся там одна. Пусть её все там любят!

В Малиновке жила тётя Зоя — подруга матери. Когда-то, как писала она в письмах, они с мамой работали в Казахстане, поднимали целину. Сейчас тётя Зоя работала дояркой на ферме. Женщина объявилась не так давно — вернулась из Казахстана в родную деревню и разыскала сестёр. Василиса тогда ничего слушать не стала, развернулась и ушла. А тётя Зоя Савелисе рассказала, как умерла их мама, и показала документы на дом, который, по её словам, принадлежал девочкам. Документы подруга матери отдала директору детдома, а сама оставила адрес — на всякий случай. Больше не приезжала, но на каждый Новый год присылала игрушки, открытки и изредка письма.

И вот этот самый «всякий случай» и наступил.

Савелиса ехала к ней на Первомайскую улицу дом номер семь, хотя ей туда ехать и не очень хотелось. Девочка понимала, что тёте Зое не до нее, у нее у самой пятеро детей, но других знакомых у девочки не было, кроме старой бабки, которая находилась в сумасшедшем доме. Впрочем, и не бабка ей она была, а какая-то дальняя родственница, которая воспитывала их с сестрой до трех лет, а за тем, зачем-то убила козу и бросила ее в озеро…

Но всё равно, несмотря ни на что, было ужасно интересно ехать в телеге навстречу чему-то незнакомому, болтать босыми грязными ногами и знать, что тебя никто не будет ругать за чумазое лицо и растрёпанные волосы. А самое классное — напевать про себя давнишнюю, слышанную ещё в далёком, ярко-солнечном младенчестве песню:

Ой, пойду в зеленые я горы,
Где шумит сосновый бор, как море,
Понесу туда я свое горе,
Кину его в мутные просторы.
Я свою кручину
На сосну закину,
В лес пущу свою тоску я —
Пусть найдет другую…

И вот теперь она едет в телеге, сидя задом наперёд, и на голые ноги шлёпаются большие, чёрно-жирные комья грязи — хорошо, ой как хорошо, даже необыкновенно чудно! Ещё только вчера утром эти такие красивые, стройные ноги Савелисы были обуты в ярко-красные атласные чешки, и она легко порхала по сцене в пышной пачке из накрахмаленной марли, с крыльями из проволоки и блестящей бумаги за спиной. Она порхала и пела нежным голосом: «Ах, недолог мой век, он не долее дня! Будь же добр, человек, и не трогай меня…»

Никогда Савелиса так ещё не старалась.

И этот идиотский конкурс — конкурс красоты и эрудиции, к которому она столько времени готовилась, втайне надеясь на успех, — кончился её позорным провалом. Звание «Мисс года» присудили сестре с её «Дамой пик», а махаон Савелисы никого не тронул. Девочка с полчаса ревела в укромном уголке под лестницей, пока Василиса не доложила воспитательнице, выдав потаённое место сестры.

«У-у, Дама пик!» — прошипела она на прощание безмятежно посапывающей во сне «мисс-сестре», на цыпочках пробираясь между койками. В комнате были открыты окна, и всем в отряде хорошо спалось под шелест майского дождя.

С собой она не взяла даже зубной щётки. Только в кармане платья лежала смятая и вымокшая под дождём не меньше самой Савелисы пятисотрублёвка, которую она вытащила из сумочки Ирины Борисовны.

Телега выбралась из пролеска и въехала в густой, настоящий лес — с елями и белоствольными берёзками. Стало холоднее, и сразу сделалось жутковато. Леса Савелиса боялась и не любила с семи лет — после той страшной встречи с лесным оборотнем, один на один, на узенькой тропинке.

Тогда она в первый раз решила сбежать из детского дома. Готовилась: нашла старую сумку, забытую кем-то из техперсонала, насушила сухарей, положила несколько котлет, даже воды налила в пластиковую бутылку. Рано утром вышла за территорию и пошла в сторону леса через поле. Тогда казалось, что именно там её не догадаются искать.

В лесу Савелиса увлеклась сбором лесной земляники. Она шла через поляну, в одной руке держала сумку, другой придерживала подол платья с ягодами, как вдруг на узенькую, едва протоптанную тропинку наперерез ей вышел человек. Он вышел из-за деревьев — высокий, весь в чёрном: длинный плащ, старомодная фетровая шляпа, надвинутая на глаза. В руке незнакомец держал что-то длинное — то ли палку, то ли зонт, но Савелиса не стала разглядывать. Она остановилась как вкопанная, и он тоже замер в нескольких шагах, словно специально перегородил ей тропинку.

— Здравствуйте, — сказала Савелиса, поначалу не очень испугавшись. — А можно мне пройти?

Тогда он присел на корточки и медленно поманил её пальцем:

— А ну поди-ка сюда, красавица. Ох, как ты хороша!

В его хриплом, сипящем голосе и в елейных словах не было и тени настоящей ласки. Длинный палец, точно как в сказках у Кощея, манил к себе. И в этом было что-то страшное, неестественно жуткое: в словах, в глазах, в лице, в этом длинном чёрном плаще и в шляпе. Савелиса почувствовала это кожей, всем телом — душа ухнула куда-то вниз, в самые пятки.

Девочка бросила сумку, а подол платья сжала и накрутила на руку — ярко-красные ягоды давились, окрашивая пальцы и ткань в цвет крови. Тогда незнакомец отбросил зонт, выпрямился во весь рост, растопырил руки, словно капканы, и сделал огромный резкий шаг — пытаясь схватить её.

Савелиса рванулась в сторону, в чащу, как загнанная лань от охотника. Может быть, он и пытался догнать её — она не знала. Девочка неслась к детскому дому, не разбирая дороги, не чувствуя тела, онемевшего от страха, исхлёстанного и исцарапанного ветками. Тогда ей казалось, что дом — это то место, где с ней никогда и ничего плохого уже не случится. В голове билась только одна мысль: «К дому, там спасение».

Но силы быстро покидали её. К опушке она вышла не сразу, задыхаясь от быстрой ходьбы. Сначала к ручью, за которым стеной стояли тёмные деревья с чёрными, непроницаемыми кронами — они совсем не пропускали солнечный свет. Там, за стволами, было темно, хоть глаз выколи, словно наступила ночь, хотя где-то высоко, над верхушками, всё ещё сияло яркое солнце.

Потом, наконец, справа от ручья, в чёрной неподвижной стене леса, Савелиса заметила тропинку и солнечный луч. Она бросилась туда, через ручей. Споткнулась на склизких камнях, упала на середине и чуть не захлебнулась — хотя речушка была совсем неглубокой. Когда выбежала на опушку, не переставая кричать, заметила людей. Что-то уж очень знакомое было в этих фигурах на той стороне поляны. Такая развесёлая ярко-полосатая кофта, конечно, могла быть только у воспитательницы Ирины Борисовны. Такие красно-рыжие волосы — только у старшей вожатой Елены Петровны.

Вечером у Савелисы поднялась температура, пропал голос, а сестра сидела рядом и меняла повязку на её горячем лбу. Успокоилась и поправилась она лишь на четвертый день

— после того, как тётя Шура, техничка с первого этажа, прочитала в районной газете про то, как в дом лесника, на рассвете через распахнутое окно прыгнул волк. Волк был странный — весь чёрный, а жена лесника не растерялась, убила его топором. «Оборотень, точно говорю, как есть оборотень», — уверенно заявляла тётя Шура, давая читать газету всем желающим. Лишь изредка Савелиса задумывалась: а того ли волка убили?

Телега катилась мерно, покачиваясь, убаюкивая Савелису. Тучи заволокли небо, и резко похолодало — ветер стал колючим, пробирался под лёгкое платье, заставляя девочку ёжиться и обхватывать себя руками за плечи. Сразу стало ясно, что всерьёз надвигается вечер: солнце уже где-то далеко за лесом. В лесу дорога была суше, колёса покатились легче и больше не швырялись комьями грязи, но потянуло сыростью и пахнуло чем-то мёртвым.

Савелиса прикрыла глаза, и ей вдруг вспомнилась их старая школа. Тот самый барский дом в Тереньге, одна из главных достопримечательностей посёлка, стоящий недалеко от трассы Ульяновск — Сызрань. Учительница истории Анна Иоанновна рассказывала, что школа в этом доме размещалась с 1930-х годов. Дети из детского дома ходили учиться вместе с местными ребятишками в неё до 2003 года, пока не построили новую.

Анна Иоанновна на уроках краеведения любила рассказывать, что этот особняк с середины XVIII века принадлежал князьям Голицыным и что в 1768–1769 годах они построили в посёлке суконную мануфактуру — самую крупную во всей Симбирской губернии. А насчёт самого дома говорила, что сведения достаточно противоречивые: одни источники утверждали, что строили его Голицыны, другие — что отставной генерал, тайный советник Стабровский.

Как-то на внеурочную деятельность учительница принесла копию «Симбирских епархиальных ведомостей» за 1911 год. Там было написано, что «огромный, в три этажа, с подвалами, башнями, балконами и бельведером дворец» возводили хозяйственным способом — кирпичи делали крестьяне, они же были и мастерами. Стоял дом посреди парка, а с двух балконов-бельведеров открывался вид на фабричный двор, хозяйственные постройки, тёплые конюшни, речку Тереньгульку и «на самые отдалённые поля».

Савелиса побаивалась ходить в школу с того самого случая в подвале, когда её единственный товарищ чуть не пропал — Пашка Смирнов. Вот и сейчас из леса потянуло сыростью, тленом, страхом, а она вспомнила ту историю. Да, запомнила она не столько уроки в барском доме, сколько тот самый подвал.

Все в школе шептались, что глубоко в подвале генерал зарыл клад — всё, всё своё золото и драгоценности, и мальчишки из их класса как-то решили сходить на разведку. Отыскали свечку, кто-то умел делать лучины, зажгли и полезли вниз по каменной лестнице — узкой, скользкой, с выщербленными ступенями. Савелиса тогда стояла наверху и смотрела, как огоньки дрожат и исчезают в чёрном чреве подвала. А потом случилось страшное — Пашка свернул в какой-то коридор и забрался так далеко, что его никто не смог найти. Звали, кричали в темноту — в ответ тишина. Искали долго, педагоги даже вызвали милицию. Нашли через пару дней в дальнем углу подвала — белого как мел. Он неделю не мог вымолвить ни слова. Пытали пацаны Смирнова, что он там видел, но мальчишка молчал, точно клятву кому дал. После этого дверь в подвал заварили сваркой намертво.

Савелиса училась в барском доме недолго, но запомнила его навсегда. Лестницу. Ржавую дверь. Чёрную пустоту за ней. И холодный ветер, который вдруг потянул из-под земли, когда они открыли ту железную кованую дверь — словно кто-то там, внизу, выдохнул. И запах. Тот же самый, что сейчас потянул из леса. Запах тлена.

Дом всегда ей казался огромным. Колонны, высокие потолки, странная тяжёлая тишина внутри, когда шли уроки… После революции барский дом сменил несколько хозяев и даже недолго был штабом белого генерала Каппеля в Гражданскую войну. Сама история барского дома была интересна Савелисе, но в ней чудилось что-то неприятное, что-то, что она не могла объяснить словами.

Как-то летом мальчишки загорелись идеей сбегать в генеральский дом и попробовать вскрыть железную дверь, чтобы уже с фонарями нормально исследовать подвал и ходы, которые вели из дома генерала. Но её сестра Василиса прознала про то и доложила всё воспитателям. Пацанов изловили и на три дня лишили компота. Позже пионервожатая рассказывала, что в подвалах этого дома пытали крепостных, а потом сбрасывали тела в озеро. Поэтому ходить в подвал барского дома не следует — в нём живут неупокоенные души. Савелиса тогда не очень верила этим страшилкам, но сейчас вдруг подумала: «А если этот старик — родственник того генерала и везёт её, чтобы спрятать в подвал?»

Она вдруг явственно представила себе ту каменную лестницу, ржавую дверь и чёрную пустоту за ней. Сердце сжалось, и по коже побежали мурашки.

— Дедушка! — громко спросила Савелиса. — А скоро мы приедем?

— Вот лесок закончится, а тама и деревня будет.

— А как деревня называется?

— Село Подкуровка, а тебе дочка куды надобно?

— Мне в Малиновку.

— Так это далеко.

— Как мне доехать?

— Приедем в деревню там разберемся.

Телега выкатилась из леса, сразу стало светлее. Деревня открылась неожиданно, как на картинке в книжке — серые крыши, дымок над трубами, покосившиеся заборы. А чуть левее, на зелёном лугу, прямо у большака, Савелиса заметила что-то огромное, пёстрое, похожее на шатёр.

— А это что у вас? — спросила она, вытягивая шею.

— Да, цыгане табором встали…

Через четверть часа они въехали на проселочную дорогу. За околицей расположился табор. Савелиса поблагодарила старичка и с уверенностью пошла в сторону шатров.

— Дочка, ты из детского дома, всё стеснялся спросить?

— Да, дедушка, но я туда не вернусь.

— А може ко мне-то зайдем, а там глянем, что делать?

— Нет, дедушка. Спасибо вам, я, как-нибудь сама.

Савелиса пошла вдоль дороги, но ноги сами привели к большому костру, который высоко горел чуть левее от большака. Рядом паслись лошади и стояли повозки, кое-где пестрели шатры, суетились женщины в длинных юбках, пахло дымом, мясом и ещё чем-то очень вкусным.

Девочка подошла поближе, робко остановилась. Старая цыганка в цветастом платке взглянула на неё внимательно, улыбнулась, поманила пальцем.

— Можно погреться? — тихо спросила Савелиса.

Женщина кивнула, принесла старую шаль, накинула девочке на плечи, а потом зачерпнула из большого котла похлёбку. Молча протянула миску и деревянную ложку.

— Ешь, дочка, дорога дальняя у тебя была, проголодалась… Долго же ты к нам шла…

Глава 8

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.